

Герои Вселенной

АЛЕКСЕЙ ЕВТУШЕНКО

МИНИМАЛЬНЫЕ ПОТЕРИ

Алексей Евтушенко

Минимальные потери

«ЭКСМО»

2012

Евтушенко А. А.

Минимальные потери / А. А. Евтушенко — «Эксмо», 2012

Зародившаяся на Марсе высокоразвитая цивилизация погибала под ударами гигантских астероидов. И миллионы лет назад Земля стала одной из планет бескрайнего Космоса, которая приняла беглецов. В феврале 1945 года ученые разгромленного рейха обнаружили в Антарктиде подземную базу и корабль Неведомых, способный преодолевать межзвездные расстояния. Тысяча «настоящих» немцев достигла системы Тау Кита и за два столетия основала колонию Новая Германия. Увы, здесь, на планете Ария, бывших землян поджидала та же угроза – смертельно опасные атаки астероидов. Мечта о реванше и простое стремление выжить заставили колонистов искать спасения на далекой прародине. Совершенно невероятные встречи и сражения ожидали их в Солнечной системе.

© Евтушенко А. А., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

Минимальные потери	5
Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	21
Глава 5	26
Глава 6	32
Глава 7	37
Глава 8	43
Глава 9	48
Глава 10	53
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Алексей Евтушенко

Минимальные потери

Минимальные потери

*Все названия, имена, фамилии, должности и ситуации,
упоминающиеся в этой книге, существовали и существуют в реальности.
Не нашей.*

*Мы летим, ковыляя во мгле,
Мы ползем на последнем крыле.
Бак пробит, хвост горит, и машина летит
На честном слове и на одном крыле...*
(Песня Джимми Макхью и Гарольда Адамсона
«Comin' In On A Wing And A Prayer»)

Пролог

Их было восемь.

Один за другим они выскочили из гиперпространства в пространство обычное, словно шарики для пинг-понга из-под воды, и замерли в полной неподвижности. Относительной, разумеется. Ибо, как только корабли оказались здесь, внутри гелиосферы заранее выбранной звезды, вместе с этой звездой и всеми ее планетами они начали извечное путешествие вокруг центра Галактики. Впрочем, эта карусель совершенно не интересовала тех, кто находился внутри восьми кораблей, способных преодолевать межзвездные расстояния. Интересовало их совершенно иное движение – стремительный, но в то же время осторожный бросок к местному солнцу. Поближе к теплу и свету, без которых невозможна жизнь.

Поэтому, как только все системы кораблей после гиперперехода были проверены и дальнейший путь высчитан до световой миллисекунды, включились П-двигатели. Семь напичканных жизнью и смертью махин, одни из которых напомнили бы человеку исполинские персиковые косточки, а другие не менее исполинские шары для боулинга, ускоряясь с каждым мгновением, двинулись туда, где пока еще не слишком ярким, но уже солнечным светом горел для них огонек надежды. Один шар остался. В системе П-двигателей обнаружились серьезные неполадки, которые следовало устранить, прежде чем двигаться дальше. Но остальные ждать не могли – время работало против них...

Глава 1

2152 год от Рождества Христова.

Земля. Иркутск.

Пилот спейсфайтера В-910 «Бумеранг» ст. лейтенант Сергей Тимаков

Где проще всего познакомиться с женщиной? Желательно бешено красивой, чувственной и сексуальной. На худой конец подойдет просто симпатичная. Проституток не предлагать. Большинство скажет, в баре или в Сети. И ошибется. Съем женщины в баре – расхожий виртоштамп, а пресловутое большинство знакомо с предметом именно по вирту. Потому что их собственный опыт чаще всего ограничивается как раз Сетью. Но рассказы о том, что в Сети табунами пасутся красивые и сексуально озабоченные женщины, только и ждущие, когда их снимут на ночь-другую одинокие и любвеобильные мужчины – это легенды чистой воды. Их выдумывают как раз те самые мальчики, которые считают, что проще всего с женщиной познакомиться в баре. И совершенно не важно, сколько лет этим мальчикам – семнадцать или сорок. Факт в том, что они по-прежнему мальчики, ни черта не разбирающиеся в теме. Ну да бог с ними. Мне, вот, только-только стукнуло двадцать семь, и я, смею надеяться, в теме разбираюсь. Поскольку:

- а) не женат;
- б) люблю всячески общаться (лучше в постели) с красивыми женщинами;
- в) не урод, не дурак и не жадина;
- г) чувство юмора наличествует.

Последний пункт крайне важен. По важности его следовало бы сделать первым, но тогда бы его легко забыли. А так есть шанс, что запомните.

Вот и запоминайте.

Мужчина, у которого слабо развито или, не приведи господь, напрочь отсутствует чувство юмора, может поставить крест на мечте обладать многими красивыми и чрезвычайно сексуальными женщинами. Не очень-то и мечталось, скажете? Ну-ну. Дело ваше, хоть я все равно не верю. Однако знайте: превыше смазливой внешности, отсутствия жены (одной или нескольких – не важно), толстого кошелька и ума палаты, женщина ценит в мужчине способность ее рассмешить. Поэтому, если хотите, чтобы женщина стала вашей, сделайте так, чтобы она улыбнулась, а потом засмеялась. Искренне, легко и весело. И не над вами (клоунов любят только в цирке), а над тем, что вы скажете. Ну а затем... Впрочем, я отвлекся. Вот так со мной всегда. Стоит затронуть тему женщин, и я готов обсуждать ее бесконечно. Между тем на вопрос, мною же заданный с самого начала, так и не ответил. Исправляюсь.

Легче всего с бешено красивой, чувственной и сексуальной женщиной познакомиться... в театре.

И чем лучше постановка, тем выше шансы, что у вас все получится. Само собой разумеется, что при этом вы должны любить не только женщин, но и театр. Или хотя бы умело притворяться, что вы его любите.

Я люблю.

Сегодня вечером в «Новом комедианте» давали знаменитую «Гостью» Пронина и Станкевича в постановке Николая Уборовского. Тоже знаменитого. Хотя в таких случаях я всегда на стороне драматурга. Пьесе «Гостья», должно быть, порядка ста двадцати – ста тридцати лет. И все эти годы, включая не к ночи будь помянуты Серые Десятилетия, она пользовалась успехом повсюду, где люди ходят в театр. Говоря «повсюду», я имею в виду не только Россию, но и весь остальной мир, сумевший, хвала Иисусу, Магомету, Будде и Моисею, войти в XXII век относительно целым и даже местами цивилизованным.

Режиссер же Николя Уборовский успешен последние лет десять и большей частью в русских столицах – Иркутске, Москве и Питере. Вот и вся разница.

Тем не менее Уборовский, на мой вкус, и впрямь неплохой режиссер, что в сочетании с гениальной пьесой давало мне отличный шанс достойно провести один из немногих оставшихся вечеров отпуска. А если чуть-чуть повезет, то и последующую за вечером ночь.

Театр «Новый комедиант» был спроектирован и возведен на правом берегу Ангары, на бульваре Гагарина, около сорока лет назад, сообразно архитектурной моде начала XXII века, и представлял собой чуть сплюснутый у полюсов шар из пластмолита диаметром около тридцати метров, удерживаемый на весу четырьмя мощными пилонами. Под этой дурой человек проходил совершенно свободно, и над его головой еще оставалось метров семь-восемь свободного пространства. Внутри же пилонов, понятно, были устроены лестницы и эскалаторы, по которым зрители и попадали внутрь шара, где располагался, собственно, зрительный зал, весьма уютное театральное кафе-буфет, гардероб, туалеты и все прочее. Правда, как всегда у нас, в России, из четырех входов-выходов работали только один-два, но тут уже ничего не попишешь. Менталитет-с.

Подходя к театру, я не в первый уже раз подивился тому, что здание в общих чертах внешне напоминает наш патрульный файтеронесущий крейсер «Неустрасимый». Не один в один, но все же. Словно конструкторы и дизайнеры, проектируя первый в истории человечества боевой космический корабль, вдохновлялись именно этим произведением архитектуры. Ерунда, конечно. Скорее, наоборот. В начале века, когда человечество, пережившее жутенькие Серые Десятилетия, сначала вернулось на земные орбиты, Луну и Марс, а затем отправилось дальше – к спутникам Юпитера и Сатурна, космическая тематика стала модной не только в архитектуре, но и в бытовом дизайне. Я не специалист, но знакомая художница, с которой мы одно время... э-э... дружили, рассказывала, что такое уже было в шестидесятых годах совершенно безбашенного двадцатого века. Тогда человек впервые сумел одолеть притяжение Земли, и всем казалось, что освоение Солнечной системы – дело ближайших тридцати лет. Ну, пятидесяти. Н-да... С тех пор прошло уже без малого двести, а нам еще осваивать и осваивать. Внукам и правнукам хватит, только приступили, считай, по-настоящему. Все-таки оптимизма неумеренного предкам было не занимать. Может, это и правильно, без оптимизма выжить гораздо труднее.

Я, вот, тоже оптимист. Иду и верю, что сегодняшний вечер зря не пропадет. Не должен. Отпуск у пилота спейсфайтера В-910 «Бумеранг» бывает раз в году. И провести его нужно так, чтобы не было потом мучительно жалко бездарно растраченных ночей. Ну и дней с вечерами тоже, уговорили.

Я вижу ее сразу же, как только, сдав в гардероб бекешу и купив программку, вхожу в буфет. С порога. На первый взгляд – молодая, чуть ли не моя ровесница, тридцати нет. Но уже со второго понимаю, что ошибся. Просто маленькая собачка до смерти щенок – это раз. И современная косметология способна на истинные чудеса – это два.

Сорок, не меньше. А то и за сорок. Даже скорее всего «за». Глаза выдают. Они всегда выдают. У молодых блеск другой – быстрый, ясный, свежий. И ни выпивка, ни наркотики, ни специальные капли или контактные линзы здесь не помогут, не дадут того же результата. Да и не нужно. *Такие* сорокалетние женщины меня очень даже устраивают. Включая блеск глаз.

За буфетной стойкой не робот – живые люди, парень и девушка, и это импонирует. Понятно, что молодые актеры совмещают профессии: те, кто не занят в спектакле, подрабатывают в гардеробе и буфете, обслуживают зрителей. Масса преимуществ в таком подходе, я считаю. Тут тебе и дополнительный заработок, и смирение творческой гордыни. А главное – мне нравится. Хотя знаю, что все то же большинство предпочло бы робота, который неизменно

вежлив и практически никогда не ошибается. Так большинство в театр и не ходит, к услугам большинства вирт-дитя и прямой наследник старого доброго кинематографа и видеоигр.

Я взял чашку черного кофе, двадцать пять грамм настоящего коньяка в правильном широком бокале и огляделся. Якобы в поисках свободного места.

Она скромно опустила глаза.

– Разрешите?

– Пожалуйста.

Прекрасно выглядит. И духи как раз такие, как я люблю. Обещающие.

Медленно и осторожно или быстро и решительно? Тут наверняка не угадаешь. Пятьдесят на пятьдесят, проверено. Но в том-то и прелесть. К тому же пятьдесят из ста – это очень хорошие шансы. Я бы и на сорок согласился. И даже на двадцать. При определенных обстоятельствах. Сейчас обстоятельства как раз такие.

– Меня зовут Сергей, – представляюсь.

– Наташа, – разыгрывает легкое недоумение.

– Прекрасно, Наташа. За знакомство!

Чокаюсь своим коньяком с ее шампанским, делаю глоток, улыбаюсь широко и обаятельно.

– Космолетчики все такие? – спрашивает она не без иронии.

Другой бы на моем месте обязательно спросил: «Какие?» и тут же утратил бы инициативу.

– Нет, – отвечаю решительно. – Только военные космолетчики. И знаете, почему?

– Почему?

Вот теперь правильно, теперь я – ведущий, а она – ведомая.

– Потому что сегодня мы живы, а завтра, очень может быть, уже нет.

Пошловато, согласен. И не соответствует действительности. Попросту говоря, вранье. Но раз уж выбрал эту модель атаки, будем идти до конца. Да и опыт показывает, что приемчик действует в трех случаях из четырех. Видимо, срабатывает что-то на генетическом уровне. Как женщине отказать мужчине, который завтра может, защищая ее, погибнуть? Это инстинкт, род должен быть продолжен. Но одного инстинкта и вранья маловато.

– К тому же, – добавляю, – вы невероятно красивы и привлекательны, и я просто не мог пройти мимо.

Есть. На щеках проступил естественный румянец, глаза блеснули, тонкие ноздри расширились.

– Спасибо, – пьет шампанское, явно не знает, что говорить дальше. Ничего себе, кажется, она действительно смущена. Обожаю. Или талантливейшая актриса, впору играть в «Новом комедианте». Тоже обожаю.

– Вы раньше видели «Гостью»? – спрашиваю.

– Нет. А вы?

– Видел, но не в этой постановке.

– Хотите остаться и посмотреть?

О как. И где-то смущение? Взгляд чуть раскосых темно-карих глаз откровенней любых слов. У меня аж пульс подскочил ударов на двадцать в минуту, не меньше.

– С огромным удовольствием я пересказал бы вам пьесу лично, – иду ва-банк. – Правда, не в этой обстановке. Согласитесь, глупо пересказывать пьесу в театре, где она идет.

– Что ж... – она допивает шампанское, отодвигает бокал и встает. – Тогда пошли?

Кожа у Наташи теплая, бархатная, и впрямь не скажешь, что этой женщине сороковник с гаком, – вон и грудь, что у твоей двадцатипятилетней. Мы полусидим в постели, опершись на подушки, отдыхаем после взлета на самую вершину. Подъем был долог, не без сложностей,

даже пару раз казалось, что вот-вот сорвемся вниз, но мы справились. И теперь благодарны друг другу за это. То есть я точно благодарен, а вот она?.. По виду женщины никогда не угадаешь, можно только надеяться. Вот я и надеюсь. К тому же ночь только началась, и уходить прямо сейчас мне не хочется. С удовольствием бы поднялся на эту вершину еще разок-другой.

– Спасибо, – говорит она, словно услышав мои мысли. – Было чудесно.

– Это тебе спасибо, – отвечаю. – Шампанского? Холодненького.

– Давай, – улыбается она.

Квартира у Наташи в престижном районе, большая, на четвертом этаже хорошего современного шестиэтажного дома из самого настоящего кирпича. Еще и ручной кладки, небось. Такая стоит немалых денег. И, что мне еще понравилось в этой женщине, она сразу призналась, как только мы вошли:

– Квартиру муж заработал. И не только квартиру. Хочу, чтобы ты знал, он мне очень близок. Самый родной человек.

– Хм... Что ж ты тогда притащила меня в гости? – не удержался я от прямого и грубоватого вопроса.

– А мне секса не хватает, – откровенно сказала она. – Особенно сейчас, когда муж в долгой командировке.

Вот и думай, кто кого использует в данном случае – я ее или она меня? Остается прийти к утешительному выводу, что оба хороши, и на этом успокоиться. Успокоиться и продолжить.

Но продолжить не получилось.

В личном комме ожила линия связи, которую я не вправе отключать, что бы со мной ни происходило и где бы я ни находился.

– Извини, – я выудил из нагрудного кармана форменной рубашки коммуникатор и нажал соединение. – Слушаю.

– Готовность номер один! – рявкнул бортовой комп-мозг (в просторечии «бортач») патрульного файтеронесущего крейсера «Неустрасимый» чуть сирым голосом нашего капитан-командора Ивана Малковича. – Все на борт! Повторяю. Готовность номер один! Все на борт! Подтвердите получение.

– Подтверждаю, – ответил я, – старший лейтенант Сергей Тимаков сообщение принял.

– Что-то случилось? – спросила Наташа.

– Вряд ли, – сказал я, встал с постели и принялся одеваться. – Тем не менее мне пора.

– Прямо сейчас?

– Ты не представляешь, как мне жаль.

Пять минут одеться и привести себя в порядок, еще минута – вызвать воздушное такси (самому, чтобы не компрометировать замужнюю женщину, и к соседнему дому), тридцать секунд на прощальный нежный поцелуй. Все, закончился отпуск. И хорошо еще приятным аккордом, который согреет мое сердце в долгие часы опасной космической вахты. Хм. Не так смешно, как может показаться. Слово «опасной» тут явно не к месту, но все остальное вполне соответствует истине.

Когда я вышел на улицу, часы показывали двенадцать минут второго, и пронзительный ноябрьский иркутский ветерок быстро сдул с моих губ вкус прощального поцелуя Наташи.

Глава 2

Борт самолета «Як-300»,

рейс Иркутск – Свободный

Пилот спейсфайтера В-910 «Бумеранг» ст. лейтенант Сергей Тимаков

От Иркутска до города Свободный, рядом с которым расположен космодром «Восточный», больше полутора тысяч километров. Это, если лететь по прямой, через воздушное пространство Китая. Мы летали. Как, впрочем, и китайцы. Чуть больше часа чистого времени от отрыва до касания.

Расписание самолетов из Иркутска до Свободного я знал наизусть и как раз успевал к единственному ночному рейсу. Разумеется, если, понятно, такси не подведет. Оно не подвело, и ровно в три часа ночи я пристегнул ремни своего пассажирского кресла в комфортабельном, скоростном и экономичном «Як-300», отрегулировал наклон спинки и совсем уж собрался отдаться в объятия Морфея, как не тут-то было.

Сосед справа. Пожилой лысый дядька лет, наверное, семидесяти двух – семидесяти пяти, не меньше. Еще не старик, но в нескольких шагах. Сначала он вспомнил, что забыл вытащить из дорожной сумки комм, без которого ему, ясен космос, как без рук и жизнь не мила, а сумка уже наверху в багажном отделении. Пришлось отстегнуться, встать, любезно достать его сумку и потом снова положить ее на место. Казалось бы, ерунда, но настроение на немедленное погружение в сон было сбито. Ладно, сейчас настроимся.

– Простите, молодой человек...

Да что ж такое, почему у меня до сих пор нет денег, чтобы летать первым классом или вовсе купить собственный самолет?! Давно же мечтаю. Самый простой четырехместный «пайпер» меня бы вполне устроил. Ха-ха. Для этого вам, Сергей Леонидович, не пилотом спейсфайтера нужно было становиться, а идти в предприниматели. Говорила же мама, зачем тебе, сынок, эти высшие курсы военных космолетчиков? Баловство одно, несерьезно. М-да. Или, по крайней мере, иначе относиться к заработанным деньгам. Экономить. Откладывать. Считать каждый энерго. Забыть о женщинах... Ужас. Зачем тогда свой самолет? Не хочу.

– Слушаю вас.

– Вы, часом, не на Луну направляетесь?

– На Луну. А что?

– Замечательно, – он улыбнулся неожиданно молодой улыбкой и протянул руку. – Я тоже.

Питер. Будем попутчиками.

Мне ничего не оставалось делать, как пожать ему руку и представиться:

– Сергей.

– Очень приятно, – по-русски он говорил чисто, но легкий европейский акцент чувствовался. Француз? Черт его знает. Нормальный европеец нынче спокойно владеет пятью-шестью языками почти как родным. Да и не только европеец. Слава богу, с появлением недорогих и жутко действенных методик гипнообучения проблема языковых барьеров ушла в прошлое. Ну, почти.

– Мне тоже, – сказал я по-французски.

– Вообще-то, я скорее немец, – усмехнулся он. – Но меня часто принимают за француза, не вы первый. Наверное, сказывается то, что мои предки двести тридцать два года назад бежали из России как раз во Францию.

Я припомнил уроки истории.

– От революции большевиков?

– Да. Так что в моих жилах, молодой человек, есть и русская кровь.

– Рад за вас. Тем более что в моих жилах кровь на четверть японская.

– Да, это заметно. Волосы и разрез глаз. Хотя цвет глаз у вас серый, а не карий. Бабушка, вероятно? По отцу?

– Угадали.

– Из Особой Автономии Япония?

– Разумеется.

Надо же, какой говорливый попался. И не спится ему, и все ему интересно. А может, боится летать? Что ж, бывает. Другой бы накатил грамм двести – двести пятьдесят крепкого, а этот, видишь, страх за разговором спрятать пытается.

– Не переживайте, – добавляю с уверенной и, как мне кажется, ободряющей улыбкой. – «Як-300» очень надежный самолет, долетим, как по писаному, быстро и нежно.

– Вы, никак, решили, что мне страшно? – он смешно задирает седые брови и смотрит на меня с веселым изумлением.

– Многие боятся, – нейтральным тоном сообщаю я. – Особенно люди в возрасте. Здесь нет ничего постыдного.

Ответить он не успевает. Двигатели свистят, машина срывается с места, набирает скорость (эх, как же мне это нравится, даже когда я не за штурвалом!), отрывается от полосы и, задрав нос, устремляется в небо. Я откидываюсь в кресле и прикрываю глаза, хотя бы на время набора высоты и скорости мой сосед должен умолкнуть. Он и умолкает. Но, как только самолет преодолевает звуковой барьер и по салону разливается тишина, загоняет снова.

– Я не боюсь летать, – сообщает он. – Наоборот, люблю. А вы?

– Что я?

– Вы любите летать?

Станный вопрос. Все равно, что спросить у художника, любит ли он рисовать. То есть у настоящего художника. А есть не настоящие? Есть, наверное. Те, которым наскучило. Страшно это, наверное, – вдруг осознать, что тебе смертельно наскучило любимое дело. Ну и те, кто ошибся в выборе пути. Тоже ничего хорошего.

Я вспомнил своего сокурсника Марека Гамбурга.

Хороший ведь был пилот, а имеет теперь свою небольшую туристическую фирму в Иерусалиме. И вполне счастлив, по его собственным словам. Значит, не так уж все и страшно. Вот же чертов сосед. Это из-за него я сейчас не смотрю какой-нибудь приятный эротический сон, а размышляю о своей профессии. Делать мне больше нечего.

– Люблю, – отвечаю я не слишком охотно. – Космолетчику, который разлюбил летать, следует задуматься о другом способе зарабатывания денег.

– Забавно, – усмехается Питер.

– Что именно?

– Вы сказали «способ зарабатывания денег». Почему было не выразиться проще – профессия?

Вот пристал. Послать его, что ли, подальше? Нет, нельзя. На мне как-никак форма, а он всего лишь любопытный старик. Которому, несмотря на его уверения, может быть страшно. И сейчас страшно, а уж на Луну лететь – тем более. Вот и сидел бы дома. Нет, господин старший лейтенант, надо быть снисходительней к слабостям пожилых людей. Проявлять такт и уважение. Чтобы знал, как приятно иметь дело с офицером военного космолота Земли. Пусть даже этот космолот и состоит из одного-единственного патрульного файтеронесущего крейсера «Неустрасимый». И даже не полноценного крейсера, а прототипа. Хоть и практически доведенного до необходимой кондиции.

– Впрочем, можете не отвечать, – тем временем продолжил настырный сосед. – Профессия предполагает, что ею занимаются, как минимум, тысячи людей по всей планете. А военкосмолетов¹ и двух сотен не наберется, верно?

– Нас мало, но мы в бэтлсьютах², – ответил я старой поговоркой времен учебы на Высших курсах военных астронавтов.

– Понятно, понятно, – закивал головой Питер. – А также *Semper Fidelis*³, «Никто, кроме нас!»⁴ и прочие красивые слова.

– Вообще-то, наш девиз – «Земля и свобода», – сообщил я как можно любезнее. – Извините, Питер, но мне показалось, у вас есть какие-то серьезные претензии к военкосмолетам. Это так?

– Не совсем.

– То есть что значит – не совсем? Или претензии есть, или их нет, согласитесь.

– Вы еще молодой человек, – вздохнул Питер, – а потому редко замечаете промежуточные состояния. Для вас пока важны противоположности: плюс и минус, черное и белое, любовь и ненависть. И это прекрасно. Тем не менее я сказал то, что сказал.

– В таком случае поясните, что вы имеете в виду, – предложил я. – И заодно, почему я должен вас выслушивать.

Вторая часть фразы была, признаю, грубоватой, но он меня уже изрядно достал.

– Разумеется, вы ничего не должны. Не хотите – не отвечайте. Но мне почему-то кажется, что вам самому хочется найти ответ на этот вопрос.

– На какой именно?

– Вопрос простой. Зачем вы нужны?

А, понятно. Из тех, кто любит считать чужие деньги. Сейчас заведет речь о том, что, мол, содержать и поддерживать в боевой готовности в течение стольких лет целый патрульный крейсер с хорошо подготовленным экипажем ввиду отсутствия как прямой, так и косвенной угрозы инопланетного вторжения слишком накладно для бюджета СКН⁵, и ему, как честному налогоплательщику, хотелось бы более осмысленной траты народных средств. Старая песня.

Некоторые договариваются даже до того, что необходимо свернуть освоение Солнечной. Слишком накладно, мол, и лучше эти деньги пустить на решение земных проблем. Идиоты.

– Нет, нет, – сообщил Питер, как будто прочитав мои мысли, – я не из партии спейсфобов. Даже скорее наоборот. Но мне и правда чертовски интересно, что вы думаете о настоящем и, главное, о будущем вашей столь редкой профессии.

– А можно узнать, откуда у вас этот интерес? – осведомился я, искренне надеясь, что мой голос звучит предельно корректно.

– Ну как же! – воскликнул он. – Волею судьбы я оказываюсь в одном самолете и знакомлюсь с молодым энергичным человеком в форме старшего лейтенанта военного космолота Земли. На рукаве его кителя – шеврон, из которого следует, что молодой человек не просто член экипажа единственного в своем роде патрульного космокрейсера «Неустрашимый», а пилот спейсфайтера В-910, он же «Бумеранг», на жаргоне военкосмолетов. Из откры-

---

¹ **Военкосмолет** – жаргонное название военного астронавта в Российской империи.

² **Бэтлсьют** – боевой костюм военкосмолета. По сути – скафандр – со специальными боевыми функциями.

³ **Semper Fidelis** – «Всегда верен» (*лат.*), девиз морской пехоты США.

⁴ **«Никто, кроме нас!»** – девиз Воздушно-Десантных Сил Российской империи.

⁵ **СКН (USN – Space Alliance of Nations)** – Союз Космических Наций. Мощная международная организация, в которой состоят государства, способные к самостоятельному выходу в космос. Это: Российская империя (включая Японскую автономию), США, Союз Европейских государств, Китай, Индия, Южноамериканская Конфедерация, Великий Израиль, Арабско-Африканский Альянс). Фактически СКН – наследник Лиги Наций и ООН.

тых источников мне известно, что таких пилотов на всей Земле всего дюжина. Из них восемь человек находятся на борту «Неустрасимого» постоянно, а еще четверо сейчас заканчивают подготовку на Высших курсах военных астронавтов и приступят к несению службы, как только крейсер пополнится еще двумя спейсфайтерами согласно плану дальнейшей модернизации. Итого на девять машин – двенадцать пилотов. Нормальное соотношение с учетом возможных замен. Сами подумайте, мог ли я удержаться от вопросов, кои давно меня волнуют? Особенно если учесть, что и сам в свое время полетал изрядно. Бывал и на Марсе неоднократно, и на спутниках Юпитера и Сатурна... И ни разу нигде не встретил ни малейшего намека на угрозу со стороны инопланетян. Каковых и существование-то не доказано, а уж угроза... А вы что думаете?

Надо же, передо мной, оказывается, знаток. Странно, вообще-то. Обычно таковые наблюдаются среди мальчишек – романтика космоса и войны, все дела. Знают наизусть ТКХ «Бумеранга» и возможности боевых лазеров. А тут пожилой уже человек. Хотя всякое бывает. К тому же говорит, что полетал в свое время. Побывать на спутниках Бурого Джупа и Властелина Колец – это вам не турэкскурсия на старушку Луну. Космос – он до смерти в крови у тех, кто его хлебнул в должной мере.

– Что думаю... – повторил я вслух вслед за ним. – Думаю, что человечество поступило весьма мудро, пойдя на интеллектуальные и материальные затраты по созданию военного космофлота Земли в составе флайтеронесущего патрульного крейсера «Неустрасимый» и подготовке экипажа. Не такие уж и великие затраты, к слову сказать, если разделить их на все страны, входящие в СКН. Копеечные затраты, прямо скажем. Угроз не встречали, говорите? Это сегодня вы их не встречали. А о завтрашнем дне думать не хотите?

– Отчего же, как раз о завтрашнем дне я и думаю, – произнес собеседник. – Стоит ли нести в космос оружие, если воевать там не с кем? У оружия, знаете ли, есть нехорошее свойство – находить цель даже на пустом месте.

– Вы же мужчина, бросьте эти бабские разговоры. Скажу вам, как военный. Лаконично и ясно. Никакое оружие самоцель не находит и не стреляет. Это делает человек. Если же вы опасаетесь, что мы, военкосмолеты, не найдя себе цели, начнем жечь, к примеру, мирную колонию Марса или гелиедобывающие базы на Луне и спутниках планет-гигантов, то поздравляю вас с паранойей. Но ничего страшного, это лечится. Извините за откровенность.

– Да, – вздохнул он. – Можно было и не сомневаться в вашем ответе. Но согласитесь, что и у тех, кто считает создание и содержание военного космофлота, пусть даже и в столь зачаточном состоянии, как сейчас, блажью и пустой тратой денег, тоже есть свои резоны.

– Свои резоны есть у всех и всегда. Поскольку у любой медали две стороны. Еще раз извините, но я не люблю пустой болтовни. Хотите переделать «Неустрасимый» в исследовательское или грузовое судно? Флаг в руки. Пишите запросы и предложения в штаб-квартиру СКН в Москве. Глядишь, и прислушаются. Только потом не жалуйтесь.

– Потом – это когда? – по губам Питера скользнула усмешка.

– Когда жареный петух клюнет в задницу, – буркнул я. – Послушайте, Питер, не знаю, как вы, а я с удовольствием поспал бы. Можно? Устал за день.

И, не дожидаясь ответа, я откинул кресло, повернулся к соседу спиной и закрыл глаза. Невежливо, да. Но он меня достал, если честно. Нужен ли Земле военный космофлот? Да откуда я знаю? Значит, нужен, если он есть, и я даже в нем служу. Наше дело хорошо рулить, быстро летать и точно стрелять. А куда рулить и летать и в кого стрелять, пусть думают те, кому по должности положено.

Что отлично умеет делать практически каждый военный – это засыпать в любой обстановке. И военкосмолеты не исключение. Не верьте тем, кто утверждает, что лучше провести всю ночь без сна, чем прикорнуть на сорок минут или час. Это говорят те, кому ни разу в жизни не доводилось переживать несколько бессонных ночей подряд. Даже десять минут сна

в подобных условиях – уже отдых мозгу и всему организму. А уж сорок минут – час – и вовсе бесценный подарок. Кто не верит, пусть завербует в Вооруженные Силы и послужит хотя бы пяток лет. Или в спасатели-чрезвычайщики, там тоже быстро становится понятно, без чего может человек обойтись, а без чего – нет. И на протяжении какого времени.

Так что через несколько секунд я уже крепко спал и вернулся в реальность лишь тогда, когда наш «Як-300» коснулся шасси бетона взлетно-посадочной полосы, и приятный голос живой стюардессы (не всех еще заменили роботами, слава богу!) по заведенному вот уже более двухсот лет порядку объявил о том, что наш самолет благополучно совершил посадку в аэропорту космодрома «Восточный», температура снаружи семнадцать градусов ниже нуля по Цельсию, а экипаж воздушного судна во главе с командиром желают нам дальнейшего счастливого пути.

Глава 3

Аэропорт г. Свободный – космодром «Восточный»

Пилот спейсфайтера В-910 «Бумеранг» ст. лейтенант Сергей Тимаков

Неизвестно, кто первым из сильных мира сего высказал мысль о том, что Земле в целом и СКН в частности неплохо бы завести военный космический флот. И не просто высказал, а сумел претворить мысль в дело. Мы лишь знаем из официальных документов, что решение о строительстве первого в истории военного космического корабля было принято на заседании Совета СКН 11 октября 2137 года, т. е. пятнадцать лет назад.

Девять лет ушло на воплощение решения в жизнь – от первого эскизного чертежа до последнего шва вакуумной сварки. И вот уже три года, как «Неустрасимый» несет службу по охране Солнечной системы от недружественного вторжения инопланетян. Существование которых, как справедливо заметил мой попутчик господин Питер Уварофф, никем пока не доказано.

И тем не менее.

Наша база «Римский лагерь», как известно любому интересующемуся данным вопросом, находится на Луне между Морем Дождей и Морем Ясности. Примерно в том же районе, где аж сто восемьдесят один год назад, в далеком-предалеком одна тысяча девятьсот семьдесят первом совершил посадку «Аполлон-15», корабль 4-й экспедиции землян к своему естественному спутнику.

У меня до сих пор иногда холодок по спине пробегает, когда я думаю о тех ребятах. Это сейчас слетать на Луну немногим сложнее и дороже, чем на другой континент. И практически так же безопасно. А тогда, почти два века назад... Кто хоть в малой степени изучал историю космических полетов и космического кораблестроения, поймет, что я имею в виду. Это же уму непостижимо, каким мужеством нужно было обладать, чтобы отправляться к Луне на том, на чем они отправлялись! Отправлялись, достигали цели и возвращались домой. За что им искреннее человеческое спасибо и низкий поклон. Не будь тех, первых, отчаянно храбрых полетов, так и крутились бы мы на орбитах вокруг Земли по сию пору, не решаясь перерезать пуповину тяготения, предрассудков и обывательского страха, связывающую нас с родной планетой.

По правде сказать, мы и крутились. Долго. Минуло полвека, прежде чем человек снова отправился к Луне, и еще десять лет потребовалось, чтобы основать там первую базу. Затем пришел черед Марса.

Но, увы, люди не успели хорошенько распробовать, каков на вкус космос за околоземными орбитами. Пришли Серые Десятилетия. Почти семьдесят лет и зим, в течение которых население Земли уменьшилось более чем на миллиард человек... Спасибо русским ученым, сумевшим, наконец, откопать в кладовке мироздания достаточно простой и надежный способ получения недорогой электроэнергии с помощью управляемой термоядерной реакции. И японским инженерам, воплотившим идею в конкретный промышленный реактор. А тут как раз и земные недра начали успокаиваться, и агрессивный запал тех, кто пытался внушить соседу свой взгляд на окружающий мир с помощью оружия, резко пошел на убыль.

Потому что, как только Российская империя со входящей в нее Особой Автономией Японии перешли на новую валюту, обеспеченную не золотом, а производимой энергией, быстро всем на Земле стало понятно, чем стоит заниматься в ближайшие сто лет, как минимум.

Свет в конце тоннеля – вот как это называется.

Человечество увидело свет и устремилось к нему. Свет во всех смыслах этого слова. Дешевая электроэнергия, которую проще добыть самому (или, в крайнем случае, купить),

нежели воевать за ресурсы – это серьезный стимул к развитию. Особенно, когда самое лучшее топливо для управляемого термоядерного синтеза – гелий-3 – в избытке находится на Луне.

Самое лучшее, потому что в первую очередь самое безопасное. Соединение дейтерия с тритием тоже давало отличный результат и, главное, ни за тем, ни за другим далеко летать не приходилось. Но уж больно много хлопот возникало с обеспечением надежной защиты от радиации. Мощный нейтронный поток – это вам не порыв свежего ветерка летней ночью, от него пиджак не спасет. То ли дело дейтерий плюс гелий-3. И энергии на выходе больше, и в случае аварии реактора радиоактивность, даже при разгерметизации рабочей зоны, равна практически нулю. Очень веский аргумент. Особенно после Серых Десятилетий, когда человечество по самые ноздри хлебнуло радиоактивности от нескольких серьезнейших аварий на АЭС и от ограниченного применения ядерного оружия в локальных войнах.

Правда, и не слишком много народу погибло и пострадало от радиации, по сравнению, допустим, с теми же землетрясениями, цунами или элементарным голодом. Тем не менее так уж устроен человек, что смерти от техногенных факторов он боится больше, нежели от сил природных. И причина этого страха понятна. Землетрясение ты не предотвратишь и не оставишь, нет у нас таких методов. А вот ядерную катастрофу той или иной степени безумия – запросто. Ну, т. е. не совсем запросто, однако вполне по силам. Значит – что? Правильно. Отказываемся от ядерных технологий.

Не получается отказаться, потому что кушать хочется?

Тогда делаем вышеупомянутые технологии как можно безопаснее. Но учтите, что будет дороже и труднее.

Да и бог с ним, мы заплатим, лишь бы без радиации.

Выходит, нужно возвращаться на Луну. И не только на Луну. Нет худа без добра, и уроки Серых Десятилетий не прошли для человечества даром. Стало окончательно ясно, что на Земле уже совсем тесно; биосфера не выдерживает нашей технической и прочей экспансии, а также общей дури, и планета начинает мстить, регулируя людскую численность с помощью давно проверенных методов: землетрясений, цунами, ураганов, засух, наводнений и тому подобного.

Получается, остается одно. Космос. Солнечная система огромна, места всем хватит. И запас терпения у нее наверняка много больше, нежели у Земли-матушки.

Дело оставалось за малым – сконструировать мощный, не слишком дорогой, надежный и безопасный двигатель для космических полетов. Потому что осваивать Солнечную на старых ракетах с химическим топливом попросту невозможно.

И он был сконструирован.

Лазерный термоядерный двигатель (ЛТЯРД) позволил не только вернуться на Луну, но и основать первую колонию на Марсе и отправиться дальше – к спутникам Юпитера, Сатурна, затем Урана и Нептуна и еще дальше – к поясу Койпера, откуда можно смотреть на далекое Солнце, не мигая.

Очень быстро стало понятно, что не так страшен черт, как его малюют, и Солнечная система гораздо лучше приспособлена для жизни человека, чем считалось ранее. Разумеется, для жизни современного человека, обладающего соответствующими технологиями. Главным образом потому, что там оказалось просто до фига водяного льда. Замерзшей воды, другими словами. А что есть вода? Основа жизни, скажете вы. Потому что мы вышли из воды, пьем воду и сами на 70–80 % из нее состоим (у новорожденного этот процент еще выше, у пожилого – ниже). Правильно, скажете. Но есть что добавить. Вода – это водород и кислород. Первый – универсальное топливо, второй... ну, это понятно. Дышать чем-то надо, верно? Не говоря уже о всех прочих, необходимых для нормального человеческого существования, процессах окисления.

Причем вода, в более чем необходимых количествах, оказалась практически везде, куда ступила нога человека в космическом скафандре. На Луне, Марсе, поясе астероидов, спутниках внешних планет – Юпитера, Сатурна, Урана и Нептуна, в их кольцах в поясе Койпера. А уж в облаке Оорта, куда мы еще, считай, не совались, по некоторым теоретическим расчетам, водяного льда, собранного в основном в ядрах миллиардов комет, столько, что хватит заполнить океаны тысячи таких небесных тел, как наша Земля.

Иногда мне кажется, что все это не случайно. Так же, как запасы нефти на Земле позволили человечеству развиваться до выхода в межпланетное пространство, запасы воды в Солнечной системе дадут нам возможность шагнуть дальше – к звездам. Романтика не самого утонченного пошиба, и пафоса тоже многовато, понимаю. И случится это еще очень и очень не скоро, если случится вообще. Но почему бы, черт возьми, и не помечтать?

...Очереди к стоянке такси не было, большинство предпочло недорогой общественный транспорт.

Нет уж, раз отпускные прогулять не успел, поеду с шиком. Военкосмолет я или кто? Следует держать марку.

Подкатило такси-робот.

Дверь бесшумно ушла в корпус, в салоне зажегся свет, и приятный женский голос произнес:

– Машина свободна. Прошу садиться.

– Вы не против, если я поеду с вами? – осведомилась за моей спиной. – Нам обоим на космодром, а ждать следующей машины или лезть в автобус не хочется. Плачу я.

Питер Уваровф, ясен космос. Почему-то мне казалось, что он уехал раньше. Ладно, вместе так вместе. Отказать было бы совсем уж по-хамски.

– Разумеется, – отвечаю. – Только платим пополам. Знаете, как говорят русские военные летчики?

– Как?

– Чем точнее расчет – тем крепче дружба. Вы где предпочитаете сидеть?

– Интересное выражение... Мне все равно, садитесь впереди, я – сзади.

Усаживаемся.

– Космодром «Восточный», – называю адрес, и машина плавно трогается.

– А вы разве были военным летчиком? – спрашивает Питер.

– Как почти все наши, – отвечаю. – Но недолго. Два года после училища.

– На чем летали, если не секрет?

– Не секрет. «МИГ-42 М».

– Многоцелевой, всепогодный, суборбитальный, – произнес он с ноткой уважения в голосе. – Сильная машина.

– Знакомы? – слегка удивился я.

– Встречался. В бою. Правда, тогда еще просто с «МИГ-42». Без М.

Однако...

– В бою?

– Тридцать девять лет назад. Один из последних конфликтов Великой Турции с Украиной из-за Крыма.

– А, ну да, что-то такое припоминаю из курса истории. Кажется, России тогда пришлось вмешаться.

– Вот-вот, она и вмешалась. «МИГами-42» и не только. А я как раз был инструктором на «фантоме». Натаскивал турецких летунов. Формально мы не имели права вступать в бой. Но на деле иногда приходилось.

– На «пятидесятке»?

– Да. Считалось, он превосходит сорок второй «МИГ». Оказалось, нет. Хорошо, что все довольно быстро закончилось. Но один раз меня все-таки сбили. Впрочем, и я в долгу не остался.

В панорамном зеркале заднего вида встречаю спокойный взгляд. Похоже, не врет. Надо же. Тогда понятен его интерес к нам, военкосмолетам. Многие летчики мечтают о космосе, так уж испокон веков повелось. Странно, правда, что выступал он скорее с позиций сугубо гражданского лица. Хотя мало ли какие убеждения у человека, особенно у человека повоевавшего. Кажется, в психологии есть описание похожего синдрома, но чего только в психологии, скажите на милость, нет. Дай этим психологам волю, они все твои сокровенные мысли по полочкам разложат и каждую объяснят. Толку, правда, от этих объяснений будет, как от козла молока, но это уже им не важно, совсем не важно...

Плавный ход машины идеально совпал с ходом моих мыслей. Я и сам не заметил, как задремал и даже посмотрел какой-то невнятный сон, в котором усаживался в кабину родного «МИГа», но тут же оказывалось, что это не «МИГ», а «Бумеранг», я жду команды на вылет со стартовой палубы «Неустрасимого»; вот уже насосы откачали весь воздух, который смогли; разомкнулись и поползли в стороны углеритовые створки стартовой камеры, следуя инструкции, я окончательно герметизирую бэтлсют, опуская до щелчка стекло шлема...

В реальность меня возвращает недовольный возглас Питера:

– Этого еще не хватало!

– Что случилось?

Оказывается, пока я клевал носом, по Сети пришло сообщение, что рейс на Луну, на который мы спокойно успевали, откладывается на неопределенное время по техническим причинам. Пассажирам предлагаются бесплатные места в гостинице.

– Ну что, едем в гостиницу? – спрашивает Питер.

Вот же привязался на мою голову.

– Нет, – отвечаю. – То бишь, давайте я отвезу вас в гостиницу, а сам поеду на космодром.

– Зачем? Рейс-то задержали.

– Затем, что я на службе. А служба моя проходит на крейсере «Неустрасимый», который, в свою очередь, базируется на Луне. Значит, я должен быть на Луне. Вы же были военным летчиком, Питер, что вам непонятно?

– Ага, – удовлетворенно замечает он. – Значит, вас скорее всего срочно отозвали из отпуска, если вы так торопитесь. Верно?

– А вам не кажется, что вы задаете слишком много вопросов? – не выдерживаю я. – Вам на Луну? Отлично. Езжайте в гостиницу и ждите, пока устранят технические неполадки.

– Не горячитесь, Сергей, – примиряюще говорит он. – И прошу меня извинить. Я и впрямь иногда бываю слишком назойлив. Видимо, должность накладывает свой отпечаток. Только не спрашивайте, какая. Скоро узнаете, обещаю. А пока что я еду с вами на космодром.

Я пожимаю плечами, показывая, что мне дела нет до чужих должностей, а вслух говорю:

– Как хотите. Только на космодроме мы с вами расстанемся, договорились?

– Боюсь, не получится, – улыбнулся он. – Насколько мне известно, ровно через два часа и четырнадцать минут с «Восточного» стартует СЛК – специальный лунный курьерский. Обычно он не берет пассажиров, но для нас с вами, надеюсь, сделают исключение. Вы ведь тоже о нем подумали, когда намеревались следовать на космодром в одиночестве?

– О нем, – пришлось мне признаться. – Значит, ваших полномочий достаточно, чтобы сесть на специальный курьерский? Интересно.

– Уверен, что достаточно, – сказал он. – Даже с избытком. Так что образуем пару «ведущий-ведомый», и я обещаю, что специальный курьерский без нас не стартует. Ведомый вы. Кстати, вот мы и приехали.

Такси-робот затормозило и остановилось.

– Космопорт «Восточный», – сообщил приятный женский голос.

Мы расплатились – каждый за себя – и вышли.

– До свидания, – попрощался голос. – Спасибо, что воспользовались услугами такси города Свободный. Надеюсь, поездка вам понравилась.

У двери со скромной табличкой «Дежурный по космодрому «Восточный» народу хватало. Кто-то сидел в эргокреслах, расставленных у стен и в ближайшем зале, кто-то стоял, подпирая стены плечами и спинами. В общей сложности с дюжину человек, не меньше. В основном, мужчины, но есть и две... нет, кажется, все-таки три женщины. Точно – три. Ничего себе. Это все к дежурному, что ли?

Мы подошли, и Питер, никого ни о чем не спрашивая, приложил к терминалу идентификационную карточку.

– Извините, в настоящий момент дежурный по космодрому отсутствует, – сообщил, как мне показалось, тот же самый женский голос, который мы слышали в такси-роботе (одна дикторша озвучивала, что ли?). – Пожалуйста, обратитесь позже. Спасибо за визит.

– Что за ерунда? – удивился вслух Питер. – Как может отсутствовать на месте дежурный по космодрому? В туалет, что ли, отлучился?

– Угадали, – сказал высокий небритый худощавый мужчина, стоящий у двери с электронной газетой в руках. – Как двадцать пять минут назад отлучился, так и нет до сих пор.

– Ага, – подтвердил второй – толстяк в коротких зеленых брюках, из-под которых буквально сияли на весь мир ярко-синие в желтую крапинку носки, и с массивной золотой серьгой в правом ухе. До того, как мы подошли, он вроде бы дремал в эргокресле, но теперь проснулся и выглядел вполне себе бодрячком. – При этом в туалете этого дежурного нет. Я проверял минут десять назад. Ни в мужском, ни в женском. Что характерно.

Кто-то радостно заржал. Одна из женщин, которую я чуть не принял за представителя сильного пола (плоская грудь, узкие бедра, короткая стрижка, брюки), возмущенно фыркнула.

– Не вижу ничего смешного, – заявил любитель ярких носков. – Если он от нас прячется, то запросто мог это делать и в женском туалете.

– С чего бы ему от нас прятаться? – удивился светловолосый юноша, сидящий рядом.

– Эх, молодой человек, молодой человек, – вздохнул обладатель зеленых брюк. – Сразу видно, что вы никогда не работали администратором популярной стайл-группы. Тогда вы не задавали бы мне таких смешных вопросов.

Юноша с интересом покосился на толстяка, но промолчал.

– Пойдемте, – негромко сказал Питер. – Здесь нам ловить нечего, это ясно. Если дежурный решил исчезнуть для пассажиров, то его не найдет никто.

– Кроме начальника космодрома, – сказал я.

– Вы предлагаете позвонить ему на личный комм и разбудить? – весело осведомился Уваровф. – Я бы не рискнул.

– А у вас есть его номер? – живо заинтересовался предполагаемый администратор популярной стайл-группы. – Дайте мне, я рискну.

– Увы, – очень искренне развел руками Питер, и мне сразу стало понятно, что номер личного комм начальника космодрома «Восточный» у него наверняка есть. – Пойдемте, Сережа.

– Служебный выход? – деловито осведомился я, когда мы отошли достаточно далеко, чтобы нас не услышали.

– Он самый. Отсекайте хвосты.

У служебного выхода-входа дежурили сразу два плечистых сержанта полиции, похожие друг на друга, как родные братья. Руки на поясах, массивные челюсти выдвинуты вперед. Впрочем, откуда мне знать, может, они и впрямь братья?

– Здравствуйте, – вежливо поздоровался Питер.

Полицейские молча наклонили головы.

– Нам с господином старшим лейтенантом необходимо как можно скорее попасть на борт специального лунного курьерского. А дежурного на месте нет, и когда он вернется, неизвестно. Так что прошу оказать немедленное и полномасштабное содействие. Вот мои документы и соответствующие полномочия.

С нарочитой ленцой он протянул идентификационную карточку, держа между двумя пальцами – средним и указательным.

Вот умеют же некоторые правильно себя поставить. Всегда завидовал этому умению. Окажись я на месте Питера, боюсь, мне долго пришлось бы доказывать сержантам, что они имеют право меня, старшего лейтенанта Военного космолота Земли, пропустить. Или измысливать совсем уж нетривиальный и наглый ход с отвлечением полицейских на какой-нибудь, мною же спровоцированный, инцидент с последующим тайным проникновением в святая святых космодрома – служебные помещения для экипажей и обслуживающего персонала (в том, что с экипажем СЛК мне удастся договориться, я не сомневался, но до экипажа следовало еще добраться). А здесь – пожалуйста. Две секунды на проверку, и вот уже сержант с почтением возвращает карточку, вытягивается и щелкает каблуками:

– Прошу вас, господин Генеральный инспектор, и вас, господин старший лейтенант! Я провожу.

Глава 4

2152 год от Рождества Христова

Новая Германия. Северный континент

Новый Майнц. Военно-космическая база «Мерзебург»

Пилот «космического охотника» RH-7 обер-фельдфебель Эрика Ланге.

На профессиональном и бытовом уровне у Эрики Ланге было два непоколебимых убеждения.

Первое: женщины лучше мужчин водят космические корабли.

И второе: живой слуга лучше любого, самого продвинутого робота.

Именно поэтому она выбрала профессию пилота «космического охотника», и в денщиках у нее был человек – девушка из местных по имени Тарса Ургувато. То есть человеком Тарса, вероятно, считалась бы лишь по мнению земных антропологов. Сама же Эрика, равно как все «настоящие люди» – истинные немцы и прямые потомки земных арийцев и первых колонистов Новой Германии, называла аборигенов *niedrig* – «низкие». Во всех смыслах.

Местные жители и впрямь были гораздо ниже землян ростом, и стриженная макушка рядовой Тарса Ургувато едва доставала до ключицы ее госпожи и непосредственной начальницы – обер-фельдфебеля Эрики фон Ланге, рост которой, согласно записи в личной воинской книжке, равнялся одному метру семидесяти пяти сантиметрам. При этом сама Тарса считалась довольно высокой среди соплеменников.

Различались Эрика и Тарса не только ростом, званием и происхождением. Волосы Эрики цветом напоминали созревшую пшеницу где-нибудь на полях южной Вестфалии, а глаза были темно-голубые и прозрачные, словно вода в альпийских озерах. И не важно, что за всю свою двадцатитрехлетнюю жизнь Эрика ни разу не видела ни Вестфалии, ни альпийских озер, ни даже родной планеты Земля. Что с того? Уже близко, совсем близко время, когда космическая армада Тысячелетнего Рейха отправится в стремительный поход, одержит блистательную победу над всеми врагами и предателями, и вот тогда уже она, Эрика, сможет побывать везде, где захочет. И даже – о, чудо! – поселиться и жить в самой Германии, осуществив свою давнюю мечту.

В далеком прошлом, а именно – примерно семь и даже еще пять лет назад Эрика мечтала при этом выйти замуж и нарожать столько здоровых и прекрасных германских детей, сколько будет в силах. Однако действительность безжалостно вмешалась в девичьи мечты и внесла в них серьезные изменения. При всей нехватке на Новой Германии ценнейшего истинно человеческого арийского материала, рожать лишь для того, чтобы родить, Эрика не собиралась. Долг долгом, а выходить замуж, зачинать и производить на свет детей следует лишь по велению сердца – в этом девушка была уверена так же, как в непогрешимости идей Тысячелетнего Рейха и его грядущей победе во всей обитаемой Вселенной.

И вот тут-то, в области сердца, и возникли серьезные проблемы.

Нет, оно у Эрики было абсолютно здоровым (с больным сердцем пилотом «космического охотника» не стать). Но вот что касается его чувствительности к мужчинам... Никто из представителей мужского пола не мог пока похвастаться тем, что добился от Эрики Ланге полной благосклонности. Да что там полной. Она и целоваться толком до сих пор в свои двадцать три года не умела! И все по одной простой причине: не находился мужчина, с кем ей хотелось бы этим заняться. А те представители сильного пола, с кем Эрика предпринимала время от времени попытки сблизиться (надо же, черт побери, как-то взрослеть и становиться женщиной!), неизменно оставляли ее равнодушной.

Два года назад, как раз в праздничную ночь выпуска из летной школы, вняв советам лучшей подруги – Белинды Фишер, Эрика поддалась настойчивым ухаживаниям инструктора

по оружию, который подбивал к ней клинья на протяжении двух лет минимум, и, наконец, стала женщиной.

Удовольствия от процесса не получила ни она сама, ни инструктор.

Потом было еще несколько попыток, и все они закончились неудачей. Отчаявшись и, опять же, посоветовавшись с Белиндой, менявшей любовников, а иногда и любовниц, не по одному разу в год, Эрика уж было решила, что она латентная лесбиянка. И, следуя свойству своего характера и воспитания доводить все до конца, приступила к выяснению, так ли это, на практике.

Вышло смешно и немного больно. Смешно для Эрики и больно для лучшей подруги, которая, оказывается, надеялась. Что ж, надежды не сбылись, бывает.

Эрика вздохнула с облегчением, Белинда с грустью, но подругами девушки умудрились при этом остаться, о чем ни одна, ни другая ни разу не пожалели.

Белинда очень быстро нашла утешение в объятьях очередного мужчины. Эрика же уверилась в том, что фригидна от природы, с этим ничего не поделаешь, и загнала все свои переживания и тайные мечты в самый дальний угол души. Как положено истинной дочери германской расы и бравому пилоту «космического охотника», не ведающей страха и сомнений.

К тому же буквально на третий или четвертый день после обескураживающей попытки найти в себе нечто большее, чем искреннее дружеское чувство к Белинде, у Эрики состоялся интересный и запоминающийся разговор с Тарсо Ургувато.

В тот день все шло как-то наперекосяк.

Во-первых, они с Белиндой еще не успели восстановить в полной мере свои прежние отношения, и Эрику сей факт весьма расстраивал.

Во-вторых, во время тренировочного полета в атмосфере с выходом на низкую орбиту забарахлил сначала двигатель, а затем и гравигенератор. Да так, что дело чуть было не закончилось катапультированием и потерей машины.

В-третьих, уже на земле, покидая кабину, Эрика умудрилась зацепиться кольцом с сапфиром (подарок бабушки, фамильная драгоценность) за край консоли, на которой держалось кресло пилота, и чуть было не вывихнула палец.

И в довершение всего разболелась голова. Что случалось крайне редко, но уж если случилось, то впору лезть на стену.

В общем, настроение у обер-фельдфебеля Эрики фон Ланге, когда она явилась вечером со службы домой, было хуже некуда. Отвратительное было настроение.

Тарса, следует отдать ей должное, сразу все почувствовала, а посему молча помогла Эрике стащить сапоги, подала тапочки и халат.

Эрика, сняв на ходу юбку и китель и швырнув их на стул, закуталась в халат, прошла в комнату, плюхнулась на диван и молча посмотрела на свою служанку-денщика такими глазами, что та поняла все без слов и через полминуты принесла хозяйке порцию выпивки и горошину болеутоляющего. Эрика, как положено бравому пилоту боевого космического флота, запила лекарство добрым глотком спиртного и в очередной раз подумала, что все-таки денщик у нее – чистое золото. Мысли читает. И услужлива как раз в меру – без назойливости, но и под рукой оказывается точно в нужный момент. А ведь некоторые утверждают, что им приходится бить слуг, ибо иначе те не понимают, что от них требуется. Бить. Фу! Этого еще не хватало. Все можно решить словом. Главное, знать, что и как сказать...

Боль ушла, отпустила, словно учебная перегрузка на крутом вираже с выключенным гравигенератором.

– Спасибо, Тарса, – сказала она. – Кажется, полегчало.

– Я рада, – улыбнулась та. – Подогреть ужин?

– Чуть позже. Просто посиди рядом.

– Хорошо. Трудный день?

– Чертовски. И не только день.

– Я понимаю.

– Вот как? – Эрика взяла стакан, покрутила в руке, но пить больше не стала, отставила, глянула остро на денщика. – И что же ты понимаешь, интересно?

– Понимаю, что вам сейчас нелегко, госпожа. Но все устроится очень хорошо, будьте уверены. Со временем. Я знаю.

– Так-так. В чем же, по-твоему, состоят мои трудности, и что именно устроится?

– Вы позволите говорить откровенно? Не будете сердиться?

– Да говори уже! – рявкнула Эрике. – Хватит тянуть кота за яйца!

– Впереди вас ждет большая любовь, госпожа. Очень красивый мужчина, я во сне видела. Стройный, черноволосый, глаза серые...

– Во сне? – перебила Эрика. – Ты издеваешься, что ли, надо мной, не пойму?

– Как можно! – воскликнула служанка. – Но это был необычный сон, вещий.

– ?

– Мой прадед был колдуном, госпожа. Настоящим колдуном. Он успел меня научить до того, как умер. Не всему, нет. Да я и маленькая была, глупая, учиться не хотела. Но кое-что запомнила крепко. Вещий это был сон, можете даже не сомневаться.

– И чем докажешь, что он был вещий? – прищурилась Эрика. – Можешь сказать, когда и где я встречу этого сероглазого красавца?

– Доказательство может быть только одно – ваша встреча. Случится она уже скоро. Где... Мне кажется, не здесь. Возможно, там, откуда вы пришли.

– На Земле?

– На Земле или где-то рядом.

– А имя? Как его зовут?

– Имя мне не открылось. Я видела только лицо и фигуру. Если хотите, могу нарисовать.

Эрика знала, что Тарса неплохо рисует. Талант, по ее мнению, абсолютно лишний для низких, чья задача служить высшей арийской расе... Хотя, если подумать, что значит – служить? Это ведь не только прислуживать, но и вообще работать на благо белого человека. Работать же можно по-разному. К примеру, работают же «низкие» в мастерских, выращивают пищу, строят дома, обслуживают сложнейшие машины и механизмы и даже, будем уж откровенны до конца, рожают детей от настоящих белых немцев! И эти дети считаются такими же арийцами, как те, чья кровь не разбавлена кровью низких. Будь иначе, земляне за двести с лишним лет давно бы выродились. А так – пожалуйста, колония Новая Германия развивается и крепнет с каждым годом. Сколько было их, безумно храбрых предков, на незнакомом, чудом обретенном корабле пустившихся в полет через безбрежное космическое пространство? Девятьсот восемьдесят два человека. Так написано в учебниках истории и судовом журнале, хранящемся в Музее Нации. Всего девятьсот восемьдесят два. Мужчины, женщины и дети. В основном, конечно, мужчины. Солдаты, офицеры, инженеры, техники, ученые... Были и женщины, но их не хватало. Поначалу. Здесь, на второй планете звезды Тау Кита, они нашли столько женщин, что до сих пор иметь две-три местные наложницы-самки в дополнение к одной официальной жене считается обычнейшим делом. Или даже вовсе только наложниц и никакой жены.

Итак, девятьсот восемьдесят два человека.

А теперь, спустя двести семь земных лет, настоящих людей больше пятидесяти тысяч! И боевой космический флот. Да, прошло двести лет. Но ничто не забыто. И, когда мы вернемся, то предъявим кое-кому серьезный счет, который придется оплатить...

– Вот, госпожа!

– Что? – Эрика очнулась от дум и непонимающе уставилась на служанку, протягивающую ей лист плотной бумаги. – Что это?

– Портрет того, кого я видела во сне. Вашего будущего избранника.

– Ага. Ну-ка...

Эрика взяла рисунок, но рассмотреть его не успела – дикой кошкой взвыла сирена, и комнату затопило алым мигающим светом.

Тревога!

Доннер веттер! Ни отдохнуть, ни пожрать.

Как известно, тревога – древний и лучший способ из полумертвого от усталости или недосыпа солдата сделать вполне годного для выполнения любого приказа бойца. Устать Эрика устала, но не смертельно. Ужин? Черт с ним, спасет плитка шоколада и пара глотков горячего энергетика из бортовых запасов, не впервой.

Сорок секунд – одеться. Еще двадцать – выскочить из дома вместе с Тарсой, прыгнуть в машину, завести двигатель и рвануть с места. Минута – пролететь по широким улочкам городка наперегонки с такими же, выдернутыми из домашнего уюта, товарищами по оружию – пилотами, канонирами, морскими пехотинцами, техниками, штабными... Еще пять – дорога до взлетного поля военпорта. Машина брошена на служебной стоянке. Дальше – бегом. Двести пятьдесят метров ровно от поднятого шлагбаума контрольно-пропускного пункта до лифтовой шахты. Норматив для всех – минута. Но она всегда спокойно укладывалась в пятьдесят секунд. И даже в сорок, если подналечь. Но это необязательно. Мало того, рекорды и не приветствуются. Особенно среди пилотов «космических охотников». Пусть, вон, морская пехота бегают, им положено физикой брать. А пилот, если ходит, уже спортсмен. Шутка, понятно, причем очень древняя, но в каждой шутке всегда присутствует изрядная доля истины. Так что бежать мы, конечно, бежим, но рвать жилы не станем.

Лифт доставляет вниз, точно ко входу на палубу, легко и быстро. Дальше опять бегом. Посещает привычная мысль о том, как это, в сущности, странно – спускаться под землю для того, чтобы потом взлететь выше неба – за пределы атмосферы. Но что делать. Почти все боевые космические корабли Новой Германии были обнаружены именно на таких подземных базах, способных выдержать прямой удар астероида размером с многоэтажный дом. А от тех кораблей, которые располагались на базах наземных, мало что осталось. И дело тут, вероятно, не только в астероидно-метеоритной опасности, которая висела над колонистами Новой Германии и «низкими» постоянно, из года в год, века в век, тысячелетия в тысячелетие и так далее (что делать – одних мощных Поясов астероидов в системе Тау Кита оказалось целых три, не считая более слабых!). Просто под землей все и всегда сохраняется лучше, чем на открытом воздухе. И, чем глубже под землей, тем лучше. Тот корабль, на котором прибыли на Новую Германию предки, тоже хранился глубоко, на тщательно оборудованной, вырубленной в скальном грунте, базе. А стоял бы на поверхности, хрен бы от него что осталось. Даже и безо всяких астероидно-метеоритных бомбардировок. Правду сказать, строить Неведомые умели. Если, как это утверждает кое-кто из ученых голов, Неведомые и впрямь пращуры арийцев, то, черт возьми, есть, чем гордиться! Хотя какое там «если»! И так несомненно ясно, что предположение верно – немцы и Неведомые из одного корня. Как иначе объяснить тот факт, что двести семь лет назад предкам Эрики удалось заставить работать, казалось бы, абсолютно непонятную и чуждую космическую технику и добраться на ней сюда, в систему Тау Кита, преодолев через гиперпространство расстояние почти в двенадцать световых лет, отделяющих ее от родной Земли? Говорят и пишут, что во многом это произошло случайно. Но она, Эрика фон Ланге, прямой потомок лейтенанта люфтваффе Гюнтера фон Ланге, первого немца, севшего в пилотное кресло «Нибелунга» – чужого, но быстро ставшего родным корабля-ковчега, уверена: всякая случайность – это непознанная закономерность. Усмешка или гримаса Судьбы, которой одной полностью ведомы и конечная цель, и Путь, ведущий к этой цели. И уж тем более, если речь идет о Пути немецкого народа.

Что же касается «низких», которые, по-мнению некоторых высоколобых интеллектуалов (так и дала бы по яйцам кое-кому!), тоже являются отдаленными потомками Неведомых, а зна-

чит, родственны землянам вообще и немцам в частности, то здесь на самом деле и думать не о чем. Раз одичали и скатились чуть ли не в каменный век, в первобытно-общинные отношения, значит, и говорить не о чем – все, аллес, недостойны называться людьми. Скажите спасибо, что пришли мы, немцы, и вытащили их из грязи и дикости. Не всех, правда, но хоть тут, на Северном континенте, уже хорошо. А то, что планета Новая Германия на местном дикарском наречии символично называется Ария, лишь подтверждает уверенность Эрики в том, что случайностей не бывает.

Нет, господа, не бывает. Что бы вы ни говорили.

Еще какое-то время тратится на переодевание в летный скафандр – «флюканзуг», потом – опять бегом! – к своему «охотнику», привычно нырнуть под днище, десяток шагов, пригнувшись, открыть люк, белкой вверх по перекладинам-ступеням выдвижного трапа в кабину, в кресло, пристегнуться, лестницу убрать, люк закрыть, связь, все.

– «Оса-пять» – Штабу. Обер-фельдфебель Ланге на месте! Прием.

– Отлично, обер-фельдфебель. Оставаться на связи, ждать дальнейших приказаний.

– Есть ждать дальнейших приказаний!

Вот так всегда. Ну, не всегда, но часто. Тревога, спешка, адреналин. А в финале – сидеть и ждать. Полчаса, час или даже больше. Однажды, помнится, ровно пять с половиной часов проторчала в кабине. Хорошо, туалет есть. И кресло удобнее, легко откидывается и становится кроватью... Поспать, что ли? Нет, что-то пока не хочется. К тому же, чует ее пилотское сердце, что ожидание не будет долгим. Значит...

Эрика еще раз проверила готовность систем, на что у нее ушло ровно две минуты, после чего запустила руку за спину, нащупала в заднем кармане пилотского кресла тетрадь и вытащила ее наружу. Вот он – дневник ее предка, лейтенанта Гюнтера фон Ланге. Копия, понятно. Сколько раз она читала и перечитывала его за последние десять лет, с тех пор, как дневник впервые попал в руки тринадцатилетней белобрысой и веснушчатой девчонки Эрики Ланге? Двадцать? Тридцать? Она не считала. Но с того, самого первого раза, когда она его открыла, дневник стал надежным спутником и советником в ее жизни. Здесь она находила ответы на те вопросы, которые не успела задать родителям, погибшим одиннадцать лет назад при знаменитой астероидной атаке две тысячи сто сорок первого года, когда был полностью разрушен Новый Майнц, и руководством Третьего Рейха впервые были названы ориентировочные сроки разведывательного рейда к Земле...

Эрика вздохнула, достала шоколадку, откусила, запила энергетиком и наугад раскрыла тетрадь.

Глава 5

2152 год от Рождества Христова

Новая Германия. Северный континент

Военно-космическая база «Мерзебург». Борт линкора «Эрих Хартманн»

Пилот «космического охотника» обер-фельдфебель Эрика Ланге

Из дневника

лейтенанта Гюнтера фон Ланге

26 февраля 1945 года

«Обычно после шести-семи боевых вылетов за день ты напоминаешь сам себе выжатый лимон. Сил остается мало. Едва-едва на то, чтобы принять холодный душ, поужинать, выпить с товарищами стаканчик-другой шнапса или, если повезет, коньяка, выкурить сигарету и завалиться на койку с какой-нибудь немудрящей книжкой. Полчаса вождения уставшими глазами по строчкам, и вот уже книжка выскальзывает из ослабевших пальцев, и ты улетаешь туда, где нет ни войны, ни страха, ни боевого азарта, ни смертоносного огня вражеских истребителей и зениток – в сон.

Но сегодня привычный распорядок был нарушен. Не успел я в офицерской столовой допить вторую порцию крепкого и выкурить сигарету, как меня нашел посыльный и передал приказ немедленно явиться к командиру группы.

– Хорошо, солдат, – сказал я. – Сейчас буду. Свободен.

После чего допил коньяк (сегодня нам повезло – снабженцы раздобыли где-то ящик настоящего, еще довоенного «Асбах Уралт»), не спеша докурил сигарету и отправился к начальству. Захожу, докладываю, как положено. Так, мол, и так, господин группенкоммандер, лейтенант Гюнтер Ланге по вашему приказанию явился. А как положено я докладываю, потому что в кабинете у начальства сидит целый штурмбаннфюрер в черной, с иголки, форме СС и смотрит на меня с эдаким оценочным прищуром.

– Очень хорошо, лейтенант, – говорит наш старик (хотя какой он старик – сорока еще нет). – Знакомьтесь. Штурмбаннфюрер Вальтер Краузе. Из центра, с особыми полномочиями. Господин штурмбаннфюрер, это лучший пилот моей Первой эскадрильи лейтенант Гюнтер фон Ланге. Более шестисот боевых вылетов, тридцать восемь побед.

– Тридцать девять, – сообщаю я. – Уже тридцать девять.

– Сегодня? – уточняет наш старик. – Мне еще не доложили.

– Да, сегодня. «Спитфаер».

– Англичане храбро воюют? – задает странный для меня вопрос штурмбаннфюрер.

– Не храбрее русских, – отвечаю.

– А что русские?

– Ничего. Просто я два года провел на Восточном фронте.

– Теперь фронт кругом, – говорит штурмбаннфюрер и смотрит выжидательно.

Нас со стариком, однако, на такую дешевку не купишь.

– Пилот люфтваффе, – лязгает группенкоммандер, – бьет врага повсюду!

– Так точно! – добавляю я бодро. – И всегда готов выполнить любой приказ командования!

– Отлично, – усмехается Краузе. – Тогда слушайте приказ, лейтенант. С этой минуты вы поступаете в мое распоряжение. Даю вам сегодняшний вечер на сборы, попрощайтесь с товарищами, вряд ли вы их скоро увидите. Завтра в семь утра мы с вами вылетаем. Все ваши вопросы пока держите при себе. Я на них обязательно отвечу, но позже. Мы обязаны соблюдать строгую секретность.

– Могу я взглянуть на ваши полномочия, господин штурмбаннфюрер? – спросил я.

Тот засмеялся, весело посмотрел на нашего старика и махнул рукой – скажи, мол, ему.

– Они достаточные, Гюнтер, – вздохнул группенкоммандер. – Можешь мне поверить, они более чем достаточные. Но ты прав, во всем должен быть порядок. Приказ о твоём переводе лежит в канцелярии, я его уже подписал. Можешь быть свободен.

И вот я сижу на своей койке и вместо того, чтобы спать, пишу эти строки. Что ждет меня завтра? Кто такой этот штурмбаннфюрер Вальтер Краузе, и какое задание меня ожидает? Вопросы, вопросы... Надеюсь, я получу на них ответы».

Эрика подняла голову и огляделась. Трудно сказать, что было тому виной – литературное мастерство предка или ее собственное богатое воображение, но, как всегда при чтении дневника Гюнтера фон Ланге, она теряла связь с окружающим миром, переносясь туда, на Землю, в одна тысяча девятьсот сорок пятый год – год величайшего поражения и не менее величайшего триумфа Великой Германии. Триумфа, о котором никто из людей, кроме пятидесяти с лишним тысяч потомков первых колонистов планеты Ария, пока не знает. Но ничего, ждать осталось недолго.

Она отправила в рот еще один кусочек шоколада, глотнула энергетика, перелистнула несколько страниц, на которых шло скучноватое описание путешествия через Атлантику вперемишку с воспоминаниями о бывших любовницах бравого пилота люфтваффе, и снова погрузилась в чтение.

Из дневника

лейтенанта Гюнтера фон Ланге

13 апреля 1945 года

«Оказывается, писать – это большой труд. И, как всякий труд, он требует сил и времени. Когда начинал дневник, не думал об этом, но быстро понял. Последняя неделя пролетела, словно один день, заполнена была разнообразными и срочными делами до отказа, только сейчас выдалась пара свободных часов, которые можно посвятить дневнику. Что я с удовольствием и делаю.

Тому, кто пережил на фронте хоть парочку русских зим, в плане холода и бытовых трудностей не страшно уже ничего. Это я заявляю со всей ответственностью. Поэтому, когда Вальтер Краузе сообщил мне, что конечная цель нашего путешествия – Антарктида, я, помню, обеспокоился только одним вопросом. А какого, собственно, пороссячьего хера мы там забыли?

И господин штурмбаннфюрер доходчиво объяснил мне, какого. Признаюсь, я ему не поверил. И не верил до самого конца нашего морского путешествия, когда судно бросило якорь у холодных берегов Новой Швабии, и я увидел все своими глазами.

Инопланетный космический корабль, законсервированный своими хозяевами на подземной базе в Антарктиде, в земле Королевы Мод, несколько миллионов лет назад! При этом корабль, как заверяют некоторые наши специалисты-техники, практически готовый к полету. Правда, для этого необходимо разобраться в том, каким образом его расконсервировать и вывести все системы на рабочий режим. Но те же техники-старожилы, которые, оказывается, копаются здесь больше двух лет, с января сорок третьего, говорят, что уже практически с этим разобрались. Мол, неведомые хозяева (словечко «неведомые» стало нарицательным, и мы все чаще называем хозяев корабля просто – Неведомые. С прописной буквы, в знак уважения) оставили довольно простые инструкции на сей счет. Сам же корабль, оказывается, за неимением или утратой своего прежнего имени назван «Нибелунг». Излишне пафосно, на мой вкус, но в целом сойдет.

Вообще, лично мне все происходящее кажется самой настоящей фантастикой, и я даже иногда, когда никто не видит, трясую головой и щиплю себя, дабы убедиться, что не сплю. Оказывается, действительно, не сплю. Но все равно не понимаю.

Самое главное, каким образом машина, механизм, каким бы он ни был совершенным, смог так хорошо сохраниться, находясь под землей несколько *миллионов лет*(!)?! Даже если он создан из сверхизносостойких и не поддающихся коррозии материалов.

И второе. Как можно разобраться в том, что обогнало развитие человеческой техники на один бог знает сколько веков или даже тысячелетий? Так и представляю себе какого-нибудь доисторического охотника, вооруженного примитивным копьем с кремниевым наконечником и одетого в шкуры диких животных, который пытается своим недоразвитым первобытным умом постичь конструкцию и назначение моего Vf.109G-6, заброшенного каким-то чудом в пещеру каменного века! Ха-ха-ха.

Тем не менее как раз сегодня на эту тему у меня и был разговор с Вильгельмом Фишером – гениальным, как говорят, математиком и, на мой взгляд, полным психом. Хотя психом, следует признать, весьма обаятельным.

Меня с ним познакомил за обедом штурмбаннфюрер Вальтер Краузе. Просто подвел к столу, за которым сидел какой-то рыжий лохматый очкарик, и в своей привычной безапелляционной манере предложил:

– Познакомьтесь, ребята. Вилли, это Гюнтер фон Ланге, один из лучших наших пилотов, тебе его учить. Гюнтер, это Вильгельм Фишер. Самый настоящий немецкий гений. Учти это, когда тебе захочется ему врезать.

И удалился, насвистывая «Лили Марлен».

– Привет, – сказал немецкий гений. – Присаживайся, если хочешь.

– Привет, – ответил я и присел. – А почему мне захочется тебе врезать?

– Может, и не захочется, – пожал он плечами. – Но вообще-то я иногда и сам себя с трудом переносу. Видимо, таковы издержки моей интенсивной мозговой деятельности.

Я передаю лишь общий смысл и настроение нашего разговора – так, как наизусть, понятно, его запомнил.

Подошла официантка. Очень симпатичная девушка по имени Хельга. Такие у нее веснушки и глаза... так бы и смотрел, не отрываясь. То, что здесь, в Новой Швабии, среди обслуживающего персонала и вообще на разных должностях много девушек и среди них есть Хельга, меня радует особо, но это тема для отдельной записи.

Мы сделали заказ. Кстати, кормят нас весьма неплохо, и мне даже иногда неловко, что мы так хорошо питаемся, когда весь немецкий народ переносит лишения военного времени. Что также является темой для отдельной записи.

– У меня тоже имеется мозговая деятельность, – сообщил я Вильгельму. – Но я себя отлично переносу.

– Всегда?

– Всегда.

– Значит, твоя мозговая деятельность гораздо примитивнее моей, – он снова пожал плечами, и я подумал, что этот жест для него так же привычен, как, например, для меня отбрасывание непослушной челки со лба. – Впрочем, это и так совершенно ясно и не требует доказательств.

– Уже хочу! – засмеялся я.

– Что? – спросил он. – Еду сейчас принесут.

– Дать тебе в лоб, – пояснил я. – Ты и правда считаешь себя лучше всех?

– Не лучше. Умнее. Согласись, это разные вещи.

Я подумал и согласился.

Тут Хельга принесла нам суп, и мы продолжили разговор уже за едой.

– Чему ты должен меня научить? – осведомился я.

– Тебе разве не сказали?

– Нет.

– Управлять «Нибелунгом», – он снова пожал плечами.

– Что?! – я чуть не поперхнулся супом.

– А что? – спокойно удивился он. – Посуди сам. Мы обнаружили целехонький инопланетный корабль. Настоящее технологическое чудо. По-моему, это совершенно естественно – захотеть научиться им управлять.

Тут я и высказался насчет доисторического человека в звериных шкурах, пытающегося разобраться в устройстве и назначении Bf.109.

– Ты слишком плохо думаешь о наших доисторических предках, Гюнтер, – сказал Вилли. – Уверен, что отдельные их представители были весьма проницательны. Будь иначе, они бы просто не выжили, а значит, не родились бы и мы с тобой. Меня беспокоит другое.

– Что же?

– Уверенность наших руководителей в том, что «Нибелунгом» должны управлять военные пилоты.

– Ты считаешь, пилот люфтваффе тупее доисторического человека? – догадался я, и мне снова захотелось ему врезать.

– Не совсем, но близко, – сказал он и, видимо, заметив выражение моего лица, снисходительно добавил: – Правда, рефлекс у вас хорошие, не отнять.

Очень быстро я понял, что обижаться на Вилли не имеет ровно никакого смысла. Не обижаемся же мы на обложной дождь, который не позволяет поднять машины и поддержать танки и пехоту с воздуха! Досадует – да, но не обижаемся. Вот и Вилли, как этот дождь. Он вряд ли изменится, как бы нам этого ни хотелось. Не знаю, все ли гении такие же, как он, раньше мне гениев встречать не довелось, но Вилли – такой. И знаете, это качество в нем мне даже нравится. Он может казаться совершенно бестактным, непрактичным и даже безумным человеком, но одного у него не отнять: мир подстраивается под Вильгельма Фишера, а под кого подстраивается сам Вилли и подстраивается ли вообще, известно одному богу.

После обеда мы пошли знакомиться с «Нибелунгом» ближе, и я окончательно убедился в своем мнении относительно Вилли Фишера, решив про себя, что могу простить этому человеку многое. За одни только его мозги. А еще Вилли обладает неброским, но каким-то удивительно... проникновенным, что ли, обаянием. Такого человека хочется иметь в друзьях, и я надеюсь, что мы с ним подружимся».

Эрика снова оторвалась от дневника и, как всегда на этом месте, с улыбкой подумала о своей ближайшей подруге, рыжей, словно огонь, и чертовски обаятельной Белинде Фишер. Надо же, как сложилось – один в один. Их пра-пра-пра-прадеды были друзьями, и они тоже стали подругами. При этом Эрика, как и ее предок Гюнтер фон Ланге, пилот. А Белинда Фишер, подобно своему предку, сильнейший математик и занимается такими научными материями, о которых она, Эрика, имеет весьма смутное понятие. Топология гиперпространства. Ужас. Проще застрелиться, чем хоть как-то это понять. Да, корабли Неведомых способны преодолевать бездну световых лет между звездами Галактики за весьма короткий промежуток времени. Но разбирается в этом только Белинда и ее сумасшедшие коллеги, чьи головы набиты высокоучеными мозгами, словно рождественская утка яблоками. И хорошо, что разбираются. Будь иначе, мечты о возвращении на Землю можно было бы давным-давно похоронить. Фокус, который прошел у предков с «Нибелунгом» двести с лишним лет назад, вряд ли удалось бы повторить. Зато теперь, благодаря усилиям таких вот умников, как ее лучшая подруга Белинда, а также сотен других специалистов, они практически готовы к решающей битве.

Хотя на самом деле, это, конечно, свинство – протрубить тревогу, а потом заставлять тебя сидеть в кабине «охотника» в ожидании невесты чего. Вечно одно и то же. Это они так,

черт бы их всех побрал, воспитывают боевой дух. Эх, начальство, плазменную струю вам в задницу... Ладно, спокойно, Эрика, не заводись. Пилот «охотника» должен быть спокоен, как сытый камарк⁶. И при этом в любой момент готовым к бою, словно опасная горная оса. Ты сама выбрала эту профессию, так что не жалуйся, а сиди и жди. Придет время – тебе сообщат, что делать дальше. В сфере твоей ответственности.

Эрика окинула привычным взглядом приборы, убедилась, что все в порядке, и вернулась к дневнику.

«Нибелунг» потрясает. Мне кажется, к нему невозможно привыкнуть. Больше всего корабль напоминает сложно ограненный драгоценный камень из неизвестного минерала, увеличенный примерно в сотню тысяч раз. Диаметр «камушка» шестьсот девяносто два метра, высота – четыреста двадцать один метр. И вся эта, сверкающая в лучах искусственного света, громада висит в воздухе, подобно какому-нибудь долбаному «Гинденбургу»! Но «Гинденбург» был наполнен водородом, отчего, как известно, и погиб, а «Нибелунг» держится в воздухе благодаря специальным генераторам, которые нейтрализуют гравитационное воздействие Земли. Да и вообще, разве можно их сравнить? Знаменитый дирижабль мог поднять и перевезти с континента на континент сотню тонн груза, а «Нибелунг» вполне способен вместить в себя и перебросить к другой звезде население маленького немецкого городка вместе со всем необходимым скarbом и продуктами питания.

Поражают также размеры и устройство подземной базы, в которой миллионы лет прячется это чудо инопланетной техники. Построить такое выше человеческих сил – это, как мне кажется, прерогатива богов. Или тех, кто почти достиг их могущества. Правда, оказалось, что у Вилли Фишера на сей счет имеется свое оригинальное мнение.

– Ты обращал внимание на его пропорции? – спросил он меня, когда мы вышли из лифтовой шахты и остановились, любуясь этим висящим под сводами исполинской пещеры и сверкающим тысячью отполированных граней искусственным островом.

– То есть? – не понял я.

– Диаметр «Нибелунга» шестьсот девяносто два метра, – напомнил Вилли. – Высота – четыреста двадцать один. А отношение его ширины к высоте равно так называемому «золотому сечению». Знаешь, что это такое?

– Слышал краем уха.

– Краем уха! – воскликнул он. – И после этого ты будешь утверждать, что пилоты люфтваффе способны к интеллектуальной деятельности?

– Смотря что таковой называть, – сказал я. – На моем счету, к примеру, за два года боев тридцать девять побед в воздухе. Не считая уничтоженных целей на земле. Это можно назвать интеллектуальной деятельностью?

Он только фыркнул и тут же пояснил, что правилу «золотого сечения», когда целое относится к большей части, как большая к меньшей, подчиняются не только великие произведения искусства и архитектуры, но даже и пропорции человеческого тела, а также иных живых существ.

– О чем это говорит? – вопрошал он, пока мы шли к кораблю, чтобы затем с помощью все тех же генераторов гравитационного поля буквально вознестись на борт «Нибелунга». И сам же себе отвечал: – В первую очередь о том, что этот корабль построили разумные существа, которым так же, как нам, людям, не чуждо чувство прекрасного. А с учетом изображений, обнаруженных нами на борту, и некоторых, уже расшифрованных записей, и вовсе можно сделать

---

⁶ **Камарк** – домашнее травоядное животное Новой Германии, чем-то напоминающее бегемота. Источник мяса и молока, любит воду.

вывод, что эти существа, по сути, и являлись людьми. Возможно, даже нашими далекими-предалекими предками. Во всяком случае все указывает именно на это.

– Предками? – переспросил я. – Как это может быть?

– А каким образом, по-твоему, на Земле появился человек? – задал он встречный вопрос и снова продолжил сам, не дожидаясь ответа от меня: – Очень может быть, люди явились из космоса и постепенно населили всю Землю. Например, с Марса. И этот корабль – лишь одно из подтверждений данной гипотезы.

Наверное, на моем лице отразилось такое неподдельное изумление, что Вилли засмеялся и добавил:

– Крепись, Гюнтер! Мне поначалу тоже все казалось, что я сплю. А потом ничего – привык...»

– Ахтунг! – рявкнул динамик внутренней связи.

Эрика захлопнула дневник и, не глядя, сунула его на место. Кажется, начинается.

– Старт через тридцать секунд! Пилотам «космических охотников» приготовиться к отражению астероидной атаки сразу по выходу линкора на орбиту. Повторяю. Пилотам «космических охотников» приготовиться к отражению астероидной атаки сразу по выходу линкора на орбиту. Внимание, начинаю обратный отсчет. Десять, девять, восемь...

«Снова астероидная, – подумала Эрика и прикрыла глаза. – Надоело. И хуже всего, что это никогда не кончится. Если, конечно...»

– ... два, один, старт! – проорал динамик и умолк.

Она знала, что бронедиафрагма базы уже разошлась в стороны, открывая путь. Медленно и неудержимо, включив генераторы антигравитации и опираясь на плазменные струи планетарных двигателей, с каждой секундой увеличивая скорость, линкор двинулся вверх.

Глава 6

Луна. База «Римский лагерь»

Борт патрульного космокрейсера «Неустрасимый»

Пилот спейсфайтера В-910 «Бумеранг» ст. лейтенант Сергей Тимаков

На борту СЛК – специального лунного курьерского я наконец-то выспался. Удалось мне это только лишь потому, что мой спутник Питер Уварофф тоже уснул, как только мы вышли на орбиту, а затем легли на курс к Луне. Укатали сивку крутые горки, а то я уж было начал подозревать в господине Генеральном инспекторе биомодификата – человека с измененными ради достижения каких-то высших целей функциями организма. В просторечии таких людей зовут биомодами и не слишком привечают. И это вполне объяснимо. Тут, на старушке Земле, люди разного вероисповедания или цвета кожи до сих пор друг дружке глотки режут, а что говорить об отношении к какой-нибудь разумной, биомодифицированной амфибии, устроившей себе дом в прибрежных водах теплого моря и требующей законодательно убрать общественные пляжи, как минимум, на три километра в обе стороны. Потому что ближе, видите ли, они мешают ее, амфибии, досугу! И это только один пример. А расплодившиеся в последнее время гермафродиты? Кошмар в чистом виде. Они, видите ли, никак не могут определить для себя, к какому полу относятся. И на этом основании биологически изменяют свой организм таким образом, чтобы тот мог выполнять как мужские половые функции, так и женские. Знаю, что многим тесное общение с подобными... э-э... созданиями даже нравится, но лично мне... нет уж, увольте, я лучше древним проверенным способом – с женщинами. Желательно молодыми и красивыми.

Или взять тех же «бессонных», внедряющих себе дельфинью программу сна и бодрствования. Как известно, одна половина мозга дельфина всегда бодрствует, пока вторая спит. Затем они меняются местами, а уж потом бодрствуют вместе. Вот и «бессонные» поступают так же, и выходит, что они как бы никогда не спят. По мне – это идиотизм, поскольку мы все-таки люди, а не дельфины. Но «бессонные» так не считают. Как, впрочем, и амфибии, и гермафродиты. Да и бог с ними. И не только с ними – других разных биомодов тоже нынче хватает и с каждым годом становится все больше. Нет, я понимаю, что прогресс не остановить, человек должен приспособливаться под изменяющиеся условия и все такое прочее, да и к биомодам в целом нормально отношусь, но с трудом представляю ситуацию, при которой сам согласился бы им стать. Ну разве что в каком-нибудь уж совсем экстремальном случае, когда пришлось бы выбирать между жизнью и смертью или за такие деньги, которые мне и не снились-то пока ни разу.

Вообще, попал я с этим господином Генеральным инспектором, ничего не скажешь. Знал бы – держался подальше. На всякий случай. То есть мне известна масса людей, которые многое бы отдали за подобное знакомство, но я к таким не отношусь. Наверное, я не характерный военкосмолет. По мне – чем дальше от любого начальства, тем лучше. И поближе к кухне, понятно. Бытовая философия солдата, но никак не офицера. Потому что ни один нормальный солдат в наше время давно уже не мечтает стать генералом. Ибо хлопотное это дело, а солдата на контракте и так неплохо кормят, не говоря уже о том, что год службы в боевой части за два года работы на гражданке идет. А вот офицер мечтает. И прекрасно знает: первое, что для этого необходимо – быть на виду. Грудь колесом, вид молодцом. Так было, есть и будет. Аминь. Я же – не хочу. Что толку стремиться вверх по служебной лестнице, если на всю Солнечную у Земли один-единственный космокрейсер, несущий аж целых шесть (девять в перспективе) спейсфайтеров-истребителей типа В-910 «Бумеранг»? Ну дослужусь я, если очень уж повезет, до командира звена (это три «Бумеранга» и звание капитана) или даже всей боевой корабельной группы, получу майорские звезды, дальше что? Разница в пенсии не так уж и велика, чтобы рвать жилы и лизать начальству задницу. Лучше просто хорошо летать, что я и делаю с

удовольствием. К тому же реального противника что-то не видно, а без него перспективы расширения военного космического флота Земли проблематичны. Так и останется наш крейсер всего лишь дорогостоящим экспериментом. В самом лучшем случае.

Вот примерно с такими мыслями я и ступил на борт родного корабля. И тут же, не успев еще доложить командиру о прибытии, наткнулся на своего механика, вольнонаемного Николая Богдановича Гордеева или, как звали его все наши пилоты, дядю Колю.

Было дяде Коле немного за пятьдесят, и он обладал всеми качествами образцового механика из какого-нибудь художественного произведения, будь-то книга, фильм или вирт – не важно. Килограмм двадцать лишнего веса, хрипловатый голос, ходит вразвалочку, не дурак выпить и незамысловато пошутить, руки золотые.

Облаченный в рабочий комбинезон, поверх которого был нацеплен плотно набитый твердым и железным инструментальный пояс, механик, не торопясь, шествовал по коридору с видом хозяина корабля. Из рта у него торчала вечная трубка. Без табака, понятно, на борту корабля курить запрещено под страхом немедленного морального четвертования лично капитаном с последующим увольнением. Но само наличие трубки, *пропахшей свежесвыкуренным табаком*, свидетельствовало о том, что дядя Коля находится не в самом благостном расположении духа.

– Привет, Серега! Как дорога? – поздоровался он со мной за руку и в рифму.

– Твоими молитвами, дядя Коля. А ты чего такой веселый наоборот?

– Чему мне радоваться? На борту чистый шухер под видом Генерального инспектора СКН. Слыхал о таком?

– Мало – слыхал. Я с ним, считай, от самого Иркутска лечу.

– Да ты что? – удивился дядя Коля. – И как?

– Что – как?

– За каким рожном он к нам приперся?

– Не знаю, дядь Коля, честно. Знаю только, что зовут его Питер Уваровф, по национальности он вроде бы немец, но в предках у него есть русские. И еще он военный летчик в прошлом. Говорит, даже встречался с нами когда-то в бою.

– Это когда ж, интересно... – задумчиво прищурился дядя Коля. – Сколько ему лет?

– За семьдесят по виду.

– Ага. Значит, наверное, когда хохлы турков били, а мы помогали.

– Угадал. Тридцать девять лет назад.

– Хорошо, что он бывший военный летчик, – вздохнул дядя Коля. – Но нам это все равно не поможет.

– Что ты хочешь сказать?

– Как только где-то появляется инспектор, жди усиленного начальственного пыла. А уж если инспектор Генеральный, то и пыл будет соответствующий. Куда там протуберанцу. Да что я тебе тут рассказываю, будто салаге какому, сам все знаешь.

– Ты поэтому пояс нацепил? – усмехнулся я. – Чтобы всякое начальство сразу видело – при деле человек. Идет чинить срочно машину «Бумеранг» и не надо на него тратить эти... протуберанцы.

– Ага. Хотел еще контейнер с запасными схемами прихватить, но потом решил, что это уже слишком.

– Два, – сказал я.

– Что два?

– Контейнера. У нас же готовность номер один или как? А при готовности номер один контейнеров нужно два. Это при готовности номер два – один.

– Вот тебе хаханьки, – сказал дядя Коля, машинально достал кисет с табаком, но, заметив мои глаза, быстро опомнился и спрятал, – а у меня плохие предчувствия.

Видно было по всему, что вольнонаемному механику охота поболтать, но мне приходилось помнить о том, что я офицер и только что в приказном порядке прибыл на борт, прервав отпуск.

– Ладно. Ты извини, дядь Коль, но я пойду доложусь начальству. Тому самому, у которого пыл и протуберанцы. Потом поболтаем.

– Потом будет хрен с винтом, – пробурчал механик мрачно. – Иди. Если буду нужен, я в ангаре.

Доложиться, однако, я не успел. Даже переодеться и то не успел. Едва зашел в каюту и бросил вещи, как в нагрудном кармане ожил коммуникатор.

– Старший лейтенант Тимаков! – выпалил я бодро, созерцая длинную, неизменно и тщательно выбритую физиономию капитан-командора Ивана Малковича.

Он не отреагировал, и по его слегка отрешенному взгляду я понял, что командир нашего, не успевшего снискать боевой славы крейсера просто ждет, когда отзовутся все. Ага, так и есть.

– Внимание всем офицерам, – скучным голосом произнес, моргнув по-совиному, Малкович. – Ровно в пятнадцать ноль-ноль объявляется общий сбор в кают-компанию. Повторяю. Ровно в пятнадцать ноль-ноль объявляется общий сбор в кают-компанию. Считайте, что это приказ. Кто опоздает или не явится по якобы уважительной причине, спишу на берег к чертовой матери. Все, до скорой встречи, господа.

Малкович отключился, и только сейчас я понял, что командир корабля обращался ко мне и другим офицерам по личным, хорошо защищенным каналам связи. Значит, и впрямь положение серьезное. Может, действительно, прав дядя Коля и впереди нас ждут неприятности в виде пресловутого хрена с винтом? Ладно, ждать недолго, до пятнадцати часов осталось три минуты, сейчас все узнаю.

Рассказывают, что при проектировании патрульного крейсера «Неустрасимый» вопрос о том, предусматривать кают-компанию или нет, стоял весьма остро. Места не хватало катастрофически. То есть буквально каждый кубический дециметр на счету.

И убрали бы кают-компанию, к гадалке не ходи, но вмешался как раз Иван Малкович, который не был еще тогда капитан-командором, но уже был назначен на должность командира будущего космocreйсера, обладал природным здравым смыслом, а также в силу общего пофизизма и стервозности характера мало кого и чего боялся.

«Не будет кают-компаний, – якобы заявил он на каком-то решающем совещании, – крейсер не приму».

– Обойдетесь, – заметило ему добродушно какое-то высокопоставленное лицо из тех, кто мнит себя вершителями судеб людских в планетарном масштабе. – Места нет, Иван Любомирович. И вообще – это боевой космический корабль, а не летающий... э-э... театр-варьете. Скажите спасибо, что есть каюты. А в компании – хе-хе – офицеры пусть на лунной базе собираются. Или на Земле.

– Спасибо, – оскорбительно поклонился Малкович. – Но вы меня, вероятно, не поняли. Отсутствие на боевом корабле кают-компаний лично я воспринимаю как прямой подрыв командного и товарищеского духа, что, несомненно, скажется на качестве выполнения поставленных задач. Иными словами, считаю это самым настоящим саботажем и, следовательно, как будущий командир корабля, поддержать и принять данное ваше решение категорически не могу.

– Так ведь командира и заменить недолго, – насупилось было высокопоставленное лицо.

– Вот и заменяйте, – спокойно ответил Малкович. – Если, конечно, заменялки хватит. Мне же меньше заботы.

– И заменим!

– И заменяйте. Хоть сами этим летающим гробом командуйте, на здоровье. Только помяните мое слово – здоровья у вас после пары месяцев жизни на боевом корабле без кают-компаний сильно поубавится.

Высокопоставленное лицо побагровело, и неизвестно, чем бы все кончилось, не вмешайся первый зампреда СКН, ныне покойный Хулио Наваз, который непосредственно отвечал за данный проект.

– Тихо всем, – сказал он. – Вы, господин Малкович, спрячьте свой норов подальше, ясно? Вы находитесь на рабочем совещании уровня СКН, а не в офицерском гусарском собрании середины девятнадцатого века. А вы, – он тяжело глянул на высокопоставленное лицо, отчего лицо немедленно побагровело еще сильнее, хотя это казалось невозможным, – не забывайте, что прерогатива назначать или смещать командиров пусть пока еще и не существующих космических патрульных крейсеров принадлежит отнюдь не вам. Слава создателю.

– А мне что делать? – спросил главный конструктор.

– Проектировать кают-компанию, – сказал Хулио Наваз. – Не в ущерб всему остальному, разумеется.

Опять же, говорят, что главный конструктор долго потом обращался к Малковичу исключительно через посредников. Однако спустя несколько лет, на банкете по случаю приемки космолета, выпил, расчувствовался и по секрету признался капитану-командору, что благодарен ему за то давнее совещание.

– Потому что, согласись вы тогда со мной, я бы ни за что не додумался до столь удачной компоновки боевой рубки и лазеров главного калибра, – пояснил он. – Не возникло бы в этом необходимости.

При входе в кают-компанию я сталкиваюсь со своим другом, старшим лейтенантом Лянь Вэем, который вынырнул из бокового коридора, ведущего к ангарам.

Лянь Вэй – китаец. Так же, как и я, он пилот спейсфайтера В-910 «Бумеранг», тоже в прошлом военный летчик. К тому же мы с ним ровесники, оба не женаты, делим одну каюту на двоих и летаем в одном звене. Тут хочешь не хочешь, а подружисься. Мы и подружились. Я даже укрепил и расширил свои знания китайского, а он – русского языка. Но общаемся, понятно, на средне-английском, как все на борту. В силу принадлежности крейсера «Неустрасимый» Союзу Космических Наций и общей интернациональности команды, где всякий более-менее свободно владеет пятью-шестью общераспространенными языками, не считая родного. Обычно это английский, испанский, русский, китайский, немецкий и арабский. Нередки также французский и японский. Реже попадаются итальянский, хинди, суахили, различные славянские языки.

Собственно, для любого японца второй язык – русский и почти каждый русский знает японский и английский. Так сложилось с тех пор, когда Россия приняла миллионы беженцев с гибнущей в чудовищной природной катастрофе Японии и организовала для них на Сахалине, Курилах, Камчатке, в Хабаровском крае и Магаданской области ОАЯ – Особую Автономию Япония в составе Российской империи.

Вообще в современном мире люди, знающие только один (родной) язык, чаще всего не могут рассчитывать на нормальную работу и уровень жизни. Нечто похожее, говорят, уже было сто с лишним лет назад в период так называемой глобализации. Закончилось, правда, нехорошо. Серые Десятилетия – это вам, господа и братцы, не енот начихал, страшненькое было время, не зря старики его вспоминать не хотят. Я бы и сам, наверное, не захотел. Столько всевозможной глупости и мерзости было наворочено – до сих пор разгребаем.

– Хай, Грей!

– Хай, Вэй!

Рукопожатие, хлопок по плечу, входим в кают-компанию за минуту до пятнадцати ноль-ноль.

Когда-то я рассказал Лянь Вэю, что в России Сергеев принято среди своих называть Серыми. Мой друг-китаец немедленно перевел «серый» на английский и получилось забавно и в рифму: Грей – Вэй. Так с тех пор кличка Грей ко мне на корабле и прилипла. И хоть в лицо, понятно, не всякий так назовет, а лишь близкий друг-товарищ, но точно знаю, что за спиной я для всех Грей.

Ни о каких обидях здесь и речи быть не может, поскольку клички есть практически у каждого члена команды. А те, у кого их нет, мечтают поскорей приобрести. Это как печать, почетный знак и прием в клуб. Носишь кличку – ты свой. Нет – извини, не заслужил пока. К примеру, кличка нашего капитан-командора (звание, если кто не знает, на ступеньку ниже контр-адмирала и на столько же выше капитана корабля) Ивана Любомировича Малковича – д'Артаньян. Вероятно, из-за живости характера, характерного носа, усов, а также самой натуральной шпаги начала восемнадцатого века, украшающей стену его каюты. А кличка Лянь Вэй – Дракон. Во-первых, потому что китаец, а во-вторых, он и впрямь любит драконов, коллекционирует их во всех видах, и на фюзеляже его «Бумеранга» во всей красе изображен китайский водяной дракон Тяньлун, охраняющий чертоги богов.

Мы заходим в кают-компанию, киваем знакомым офицерам, отыскиваем два свободных места рядом, усаживаемся.

– Как отдохнул? – спрашивает Лянь Вэй негромко.

– Удовлетворительно. Сдернули меня с шикарного аэродрома, сволочи. Только-только зарулил, даже двигатели выключить не успел, и – на тебе. С чего переполох-то, не в курсе?

– Нам пока не докладывали, – Дракон еще понизил голос, – но слухи ходят весьма кислые.

– То есть?

– Говорят, в последний поход идем.

Я посмотрел на друга расширенными глазами. Военкосмолеты суеверны. Так же, как моряки, летчики и обычные гражданские космонавты с астронавтами. Точнее, как все они, вместе взятые. Поэтому для того, чтобы военкосмолет сказал «последний поход» вместо «крайний», должны быть чертовски веские основания. Прямо-таки несдвигаемые.

Но задать прямой вопрос я не успел. В кают-компанию один за другим вошли двое. Капитан-командор патрульного флайтеронесущего косморейсера «Неустрасимый» Иван Малкович по кличке д'Артаньян и Генеральный инспектор СКН господин Питер Уваровф. Без клички.

– Господа офицеры!

Собрание дружно поднялось на ноги.

– Прошу садиться, – Малковичу не нужен был микрофон. Акустика в кают-компании что надо, плюс голос у нашего д'Артаньяна такой, какой и следует иметь капитану. Командный голос. Даже когда он говорит тихо, все слышат.

Мы дружно сели.

– Господа офицеры, – продолжил он. – До многих из вас, вероятно, уже дошли разные не слишком оптимистичные слухи. Повторять их я не намерен. Скажу коротко. Мы отправляемся в дальний поход. Через Марс, Пояс астероидов, к Юпитеру и его спутникам, затем к Сатурну и в пояс Койпера с заходом к Нептуну. Потом назад. Цель похода – боевая учеба и решение тех оперативных задач, которые перед нами сочтет нужным поставить руководство СКН. По итогам похода вышеупомянутым руководством будет решено, служим ли мы родной планете и дальше, или военный космический флот планеты Земля распускается за ненадобностью, так, по сути, и не став флотом.

Малкович умолк и обвел кают-компанию взглядом своих темно-карих, почти черных глаз. Господа офицеры молча, в полной тишине, ждали продолжения. И назвать эту тишину радостной лично я бы не решился.

Глава 7

*Тритон, научно-промышленная база «Воскресенье»,
борт малого планетолета «Бекас-2».*

Врач первой категории Мария Александрова, пилот Михаил Ничипоренко

Тритон – крупнейший спутник Нептуна, восьмой и последней планеты Солнечной системы. У Нептуна есть и другие спутники, но они гораздо меньше Тритона и даже не имеют сферической формы. По сути, это грандиозные космические булыжники, которые гравитационные поля третьей по величине планеты-гиганта еще не обкатали как следует. Иное дело Тритон. Он и впрямь самый настоящий спутник большой планеты. Шарообразен. Диаметр – две тысячи семьсот километров. Площадь поверхности совсем не маленькая, можно сказать, равна площади Российской империи – двадцать три миллиона квадратных километров с хвостиком. Присутствует азотная атмосфера. Хилая, да, но есть. К тому же полно водяного льда, редких полезных ископаемых, и сила тяжести аж в тринадцать раз меньше земной. В общем, полезный спутник во всех отношениях, не зря тут научно-промышленную базу отгрохали двадцать восемь лет назад. База называется «Воскресенье», однако некоторые обитатели гордо и пафосно именуют ее «Форпост Земли». К счастью, таковых подавляющее меньшинство. Будь иначе, Маша Александрова давно бы наплевала на контракт и сбежала отсюда на Землю, потеряв массу денег и, вероятно, толику самоуважения. Впрочем, примерно последние три недели сбежать на Землю Маше хотелось перманентно и без всякого тесного общения с «героями» – так она называла тех, кто свое пребывание на Тритоне считал проявлением личного мужества и высокого служения во имя Человечества.

Мария Наумовна Александрова, двадцати восьми лет от роду, была врачом первой категории и широкого профиля со специализацией «хирургия». На Тритон она завербовалась по разным причинам, главной из которых была несчастная любовь. В чем, разумеется, Маша не хотела признаваться даже сама себе. Поэтому, когда штатный опытный психолог вербовочной компании привычно спрашивал о резонах, толкающих ее на край Солнечной системы за четыре с половиной миллиарда километров от родного дома, она уверенно назвала следующие:

1. Желание стать полностью самостоятельной и заработать хорошие деньги.
2. Получить высшую профессиональную категорию.
3. Хлебнуть космической романтики.

И психолог, и Маша знали, что в ответах нет настоящей правды, а есть всего лишь суррогат, который Маша выдает за настоящую правду, а психолог делает вид, что ей верит. Происходит же эта успешная подмена из-за того, что Маша врет и себе, и психологу очень искренне, а психологу важно лишь не допустить в космос явно и скрытно неадекватного человека. Все остальное – не стоит беспокойства. Поскольку, во-первых, каждый сам кузнец своих комплексов и трудностей, а во-вторых, деньги от вербовочной компании психолог получает «с головы». Он же, правда, в случае чего несет и ответственность, в том числе и материальную, но на то и профессионализм, чтобы вычислить тех, кто выдержит «романтику космических дорог» весь срок контракта. А там хоть трава не расти. В конце концов почему он должен останавливать барышню, явно сбегающую с Земли от несчастной любви? Может быть, это и впрямь ее вылечит, такие случаи бывали. А не вылечит – сама виновата, надо было думать, прежде чем обращаться в вербовочный пункт. В конце концов взрослый совершеннолетний человек да еще и врач. Так что все. Пишу: «К работе на базе «Воскресенье» считаю годной». Подпись. Печать.

– Спасибо.

– Не за что. Желаю удачи.

И вот теперь она сидит в своем осточертевшем до натуральной тошноты маленьком рабочем кабинете за те самые четыре с лишним миллиарда километров от Земли и думает, что

лучше: пойти к начальнику базы прямо сейчас и улететь на ближайшем рудовозе, который прибудет по расписанию через неделю, или банально надраться разведенного медицинского спирта и цинично трахнуть того же начальника, который давно смотрит на Машу слишком блестящими глазами?

Оба варианта заманчивы, имеют свои плюсы и минусы. И оба неприемлемы. Потому что убежать и оставить без врачебной помощи семьдесят пять человек – это чистое свинство. Не говоря уже о том, что придется заплатить неустойку в размере суммы, превышающей ту, что она успела заработать. И никуда не денешься, придется платить, она сто раз контракт пересматривала и со знающими людьми консультировалась – нет лазейки.

Да, на станции работают здоровые люди, и они, как выяснилось, практически не болеют. За тот год без малого, что Маша здесь, ей пришлось вплотную столкнуться с такими страшными заболеваниями человеческого организма, как, например, простуда, вызванная переохлаждением вышеупомянутого организма вследствие разбалансировки климатической системы вездехода «Марк-IV» (так записано в отчете ее собственной рукой). Далее.

Несколько случаев переутомления.

Расстройство желудка.

Средней тяжести похмелье.

Различные травмы, самая опасная из которых – потеря указательного пальца левой руки из-за грубого и неосторожного обращения с кухонным роботом в состоянии алкогольного опьянения (палец был удачно пришит на место).

А также. Два признания в любви с предложением руки и сердца, четыре с предложением просто совместной жизни и три предложения денег или других материальных ценностей в обмен на женскую ласку. Плюс бесчисленные комплименты различной степени откровенности.

А ведь штатный психолог фирмы-вербовщика уверял ее, что на базе «Воскресенье» существуют все условия для того, чтобы одинокие мужчины и женщины в полной мере могли удовлетворять свои сексуальные потребности. Ага, как же. Никакой, даже самый совершенный секс-андроид или эротический вирт не заменят живого человека. Вот и приходится отбиваться. Хорошо хоть служба безопасности базы в лице шерифа Джона Фореста и двух его жен и помощниц Джины и Натали работает безупречно: хватает намек на то, что сейчас обратишься к ним за помощью, и след любвеобильного приставалы тут же простывает. Еще бы. Джон выглядит и действует, как живая двухметровая глыба, состоящая сплошь из хорошо тренированных мышц, наверху которой топорщится ежик рыжих волос, сияют два голубых глаза и обаятельная белозубая улыбка. Последняя, в случае необходимости, мигом модифицируется в весьма недружественный оскал, ввергающий нарушителей порядка в страх и трепет. Не отстают и женушки шерифа, каждая из которых неплохо владеет приемами рукопашного боя и способна утихомирить любого буяна или буянку. Что Джина и Натали неоднократно и демонстрировали в баре «Койот и лиса», когда перебравшие самогона разведчики, добытчики и кое-кто из примкнувшего к ним научного персонала приступали к прояснению вопроса, кто тут самый трезвый.

Двоеженство уже давно не шокирует никого в традиционно христианских странах. Это и понятно. Серые Десятилетия, когда количество мужского населения сократилось гораздо резче женского, заставили оставшихся в живых несколько пересмотреть моральные нормы и правила. Нет, традиционная семья по-прежнему в почете и востребована. Но теперь, если у нормального здорового мужчины имеется две жены или у женщины два официальных мужа, это считается в порядке вещей. Были попытки утвердить законодательно и многоженство (это когда больше двух), как в странах мусульманской религии, но вовремя одумались. Рано.

Итак, немедленно все бросить не получается.

Вариант с медицинским спиртом и начальником базы в качестве любовника также не подходит. Поскольку уж очень тошно потом, когда спиртовые пары выветриваются. Знаем, проходили.

– Т-твою мать! – с чувством произнесла Маша вслух. – Еще год в этой заднице торчать. Я точно с ума сойду. Вон уже сама с собой разговаривать начала.

Она встала и сделала несколько разминочных упражнений. Сила тяжести на базе регулировалась гравигенераторами Нефедова, что позволяло держать тело в форме при помощи обычной физкультуры.

В дверь робко постучали.

Вот так всегда. Два часа сидела в кабинете – ни одной живой души. Как только встала и начала делать разминку, тут же кому-то понадобилась.

– Да! – громко разрешила она, усаживаясь за стол и машинально поправляя волосы.

Дверь приоткрылась, и в кабинет заглянула румяная и чуть смущенная физиономия Миши Ничипоренко – украинца по национальности, родом откуда-то из-под Житомира и пилота малого исследовательского планолета «Бекас-2».

– Добрый день, Мария Наумовна, – сказал он. – Можно?

– Заходите, Михаил, – вздохнула Маша. – Заходите и присаживайтесь.

Миша был давним и преданным Машиным поклонником. Пожалуй, самым давним и преданным. Во всяком случае здесь, на базе «Воскресенье». И еще он был самым робким поклонником – ни разу за год даже словечком не обмолвился о своем чувстве. Только мялся и вздыхал. Невысокий, плотный и круглолицый, с широкими черными бровями над карими глазами, он был совершенно не в Машином вкусе. Но ей было приятно Мишино ненавязчивое внимание. Обожание на расстоянии. Почему бы и нет? Очень мило и даже трогательно.

Миша нерешительно потоптался в дверях, но затем все же прошел в кабинет и присел на краешек стула.

– Что-нибудь беспокоит? – осведомилась Маша, зная совершенно точно, что набивших оскомину всем симпатичным женщинам-врачам во все времена шуточек насчет сердечных ран и страданий со стороны пилота не последует.

Миша заметно покраснел, затем приспустил молнию комбинезона и осторожно достал из внутреннего кармана веточку пахучей гвоздики. Оранжереи базы «Воскресенье» – великое дело. Там, говорят, даже женьшень вырастает почти как настоящий.

– Сегодня Мария, – сообщил пилот-украинец, протягивая веточку. – Поздравляю.

– Мария? – удивилась Маша, принимая цветы. – Спасибо.

– Ну да, – пояснил Миша. – Одиннадцатое ноября, именины у Марии.

– А, именины... Разве одиннадцатого ноября? Впервые слышу. По-моему, в конце сентября.

– Двадцать первое сентября, – подтвердил знающий пилот. – Рождество Богородицы. А еще есть Мария Магдалина семнадцатого мая и четвертого августа. И в апреле, четырнадцатого, кажется, числа. Много, в общем, именин у Марий. Только в декабре и январе нету.

– Понятно, – улыбнулась Маша, с наслаждением вдыхая тонкий, словно бы далекий-предалекий аромат. – В эти небось залез... как их... святцы? Или так помнишь?

– Залез, – подтвердил Миша. – Так помнил только двадцать первое сентября, у нас в деревне всегда Рождество Богородицы празднуют. Но двадцать первого я улетаю, не было меня три дня. Поэтому решил сейчас.

– А четвертого августа что ж не поздравлял? – уже откровенно веселясь, осведомилась Маша. – И когда там еще... пятнадцатого мая?

– Семнадцатого, – вздохнул Миша. – Стеснялся.

– Теперь, значит, стеснение преодолел. Уже хорошо. Ну, спасибо, Миша, еще раз. Праздновать не будем, извини.

– Да я вовсе не за этим. У меня... как бы сказать... предложение.

Начинается, подумала Маша.

– Какое?

– Я через час отправляюсь в рейд по направлению к Кольцу, – пилот старался говорить легко и небрежно, но было видно, что справиться с волнением стоит ему больших трудов. – Нужно запустить несколько автоматических зондов. Хотите со мной? На обратном пути могу даже поучить вас управлять «Бекасом». Самую малость, – подумав, честно добавил он.

Это было и впрямь заманчивое предложение. И, главное, сделанное очень вовремя, как раз в тот момент, когда врач первой категории Мария Наумовна Александрова чуть не на стенку готова была лезть от тоски и безделья.

– А... можно? – спросила Маша.

– Когда нельзя, но очень хочется, то можно, – сказал Миша, после чего подмигнул и немедленно покраснел, видимо, застеснявшись собственной немереной смелости.

Маша еще ни разу не бывала в рубке управления космического корабля. Как-то не срасталось. А тут – пожалуйста! Она свободно расположилась в широком, удобнейшем кресле, предназначенном для специалиста-исследователя или пассажира, и прямо перед ней огни панели управления соревновались в яркости и красоте с огнями звезд на обзорном экране. До той поры, пока «Бекас-2» после старта с поверхности Тритона не скорректировал курс, и на экран, слева, величественно, как, впрочем, и подобает планете-гиганту, всплыл небесно-голубой Нептун, исчерченный длинными светлыми полосами высоких облаков. Они, как знала Маша, состоят из замерзшего метана и поднимаются на невероятную по земным меркам высоту в сто пятьдесят километров, отбрасывая тени на основной облачный слой планеты, лежащий ниже. Что придавало Нептуну дополнительные объем и величественность.

За тот неполный земной год, который Маша проработала на Тритоне, она довольно много узнала и о самом Нептуне, и о его самом крупном спутнике. Ничего удивительного. Все работники базы «Воскресенье» неплохо разбирались в устройстве Солнечной системы вообще и Нептуна с его Кольцом и спутниками в частности. Это было принято среди тружеников и жителей Внеземелья – интересоваться тем, что тебя окружает, а не только собственным делом. То есть разумеется, ты мог и не интересоваться, а ограничиться обязательным курсом лекций по общей планетологии. Но тогда не обижайся, если тебя будут воспринимать как... ну, скажем, невежду. Невежде ведь тоже все равно, как к нему относятся окружающие. Вот Маша и интересовалась. Да ей и самой это было в удовольствие – узнавать новое. До поры до времени...

Нептун всплыл и застыл на экране, как истинный король и лидер, затмевая собой все.

– Красота! – выдохнула Маша. – Но мы же не к самому Кольцу летим, верно?

– Если хотите, можно и к самому Кольцу! – бесшабашно ответил Миша. – Мне для вас, Маша, ничего не жалко.

– Нет уж, – сказала она. – Еще не хватало мне быть виновным в ваших служебных взысканиях. Выполняем точно программу и – домой.

– А как же порулить? – улыбнулся Ничипоренко. – Это ведь тоже грозит мне взысканием, если начальство узнает. Несанкционированный доступ постороннего лица к управлению планетолетом, – он явно процитировал какую-то инструкцию. – Не шутка. Легко можно премии лишиться.

– Испугались? – изящно приподняла соболиную бровь Маша. Ей не хотелось дразнить воздыхателя – само вырвалось.

Ответить воздыхатель не успел. Не отрывая глаз от обзорного экрана, он нахмурился, наклонился вперед и негромко спросил, будто сам у себя:

– Так. А это еще что?

Маша посмотрела.

На первый взгляд картина на экране оставалась прежней. Голубой, перечеркнутый тонкими, светлыми, почти белыми полосами метановых облаков, шар Нептуна на фоне густой и яркой россыпи звезд Млечного Пути. Волшебная феерия, любоваться можно бесконечно. И Солнце не слепит, «Бекас» ориентирован к нему дюзами. Не видно и поверхности Тритона, который также остался за кормой. То есть увидеть и Солнце и Тритон можно, но для этого необходимо переключиться на другие камеры. Но что это за светло-фиолетовый круглый объект, разделенный пополам черной полосой? Вон, в правом верхнем углу экрана. Размером с крупный орех или шарик для пинг-понга. И объект этот – явно не Протей или, допустим, Ларисса, которые, как и Тритон, тоже естественные спутники Нептуна, но находятся на более низких орбитах плюс ко всему они неправильной формы. Потому что «шарик» движется, смещается ближе к центру экрана и вроде становится больше. Приближается?

– Светло-фиолетовый шарообразный неопознанный объект впереди по курсу, – посылает Миша запрос бортовому компу. – Сообщить диаметр объекта, расстояние до него, скорость сближения, возможную принадлежность объекта.

Комп выдает на экран и голосом серию цифровых параметров, из которых Маша понимает только, что объект явно искусственного происхождения и его диаметр – ни много ни мало – одна тысяча шестьсот двадцать девять метров.

– Ого! – одновременно восклицают Миша и Маша и переглядываются.

Шар искусственного происхождения диаметром более полутора километров в космосе, на орбите Нептуна, может означать лишь одно. Он сделан не на Земле. Ничего подобного человечество в космос никогда не запускало. Или они просто не владеют информацией?

– «Воскресенье», «Воскресенье», я – «Бекас»! – вызывает базу Миша и докладывает о том, что видит.

Пока идет интенсивный радиообмен, из которого становится ясно, что на Тритоне объект видят тоже, чужак продолжает быстрое сближение. Теперь он размером с крупный апельсин, и видно, как по черной полосе, разделяющей его пополам, пробегают какие-то огоньки-искорки.

– Мы не знаем, что это, – сообщают тем временем с базы. – На радиозпросы они не отвечают. «Бекас», дальнейшее сближение и любой контакт запрещая. Немедленно возвращайтесь на базу. Как поняли? Прием.

– Я – «Бекас», понял вас хорошо, – сказал Миша. – Возвращаюсь на базу. Прием.

«Ишь, какой исполнительный, – усмехнулась про себя Маша. – Ему приказали, он и выполняет. Удобный мужчина. И тут же мысленно оборвала себя: «Дура ты, Машка. Радуйся, что он дисциплинированный. Другой бы начал выпендриваться, перья распускать, показывать, какой он крутой и ничего не боится. А этот – нет. Безопасность прежде всего. И правильно. Какие перья, когда тут такое! Кстати, неплохо бы все-таки узнать, что это».

– Что такое... – пробормотал Миша. Его черные широкие брови тревожно сошлись к переносице, пальцы металась по сенсорной клавиатуре. – Не понял. Да включайся же ты, курва! – он несколько раз ткнул пальцем в клавишу «ввод», выматерился в голос, извинился, отстегнулся от кресла и кинулся прочь из рубки.

– Что случилось, Миша? – крикнула вслед Маша.

– Двигатель отказал! – донесся до нее встревоженный голос пилота. – «Бортач» сообщает, потерян контакт с реактором... Сволота!! – с чувством рывкнул он и после секундной паузы добавил: – Извините, Маша, это не вам.

Двигатель отказал... Маша уже знала, что «бортачами» профессиональные космические пилоты называют бортовые компьютеры. В отличие от земных летчиков, для которых «бортач» – это живой человек, бортинженер.

– Я поняла, – тихо сказала Маша, наблюдая, как растет и растет на обзорном экране светло-фиолетовый шар, разделенный пополам черной полосой, по которой туда-сюда, подчиняясь некоему завораживающему ритму, бегали странные огни. Они были похожи на вспыхи-

вающие, гаснущие и снова вспыхивающие звезды, и в какой-то момент Маше стало пронзительно ясно, что «Бекасу» не уйти. Эти звезды-огни не дадут.

– «Бекас» – это «Воскресенье»!! – буквально взвыл динамик. – Немедленно уходите! Повторяю! Немедленно уходите! Это приказ! Как слышите меня? Прием!

– Маша! – крикнул Миша сдавленным голосом. – Ответьте им, пожалуйста, я занят. Умеете пользоваться рацией?

– Да, – сказала Маша. – Умею.

Она протянула руку к панели управления, чтобы переключить танкету, и тут на «Бекас» обрушилась перегрузка.

Словно ни с того ни с сего взбесился гравигенератор Нефедова, или планетолет, подчиняясь неведомому приказу «бортача», который все-таки наладил связь с реактором, прыгнул вперед на полной тяге, а затем поддал еще. И еще. И еще.

«Восемь «же», не меньше, – подумала Маша, не в силах пошевелить ни рукой, ни ногой. – Скорее, больше. Все десять, пожалуй. Господи, да что же это такое... Миша... где Миша?..»

Она попыталась позвать Ничипоренко, но из горла вырвался лишь тихий невнятный хрип.

На тренировках, перед отправкой в космос, Маша испытывала и восемь, и десять «же». Кратковременно. Вскоре выяснилось, что перегрузку она держит не слишком хорошо. Критичное значение, при котором Машин организм отказывался совершать какую бы то ни было, даже самую простейшую, работу, как раз и составляло восемь «же». Для многих и многих – ничего сверхтрудного. А при десяти «же» от Маши начинало уплывать сознание.

Тем временем перегрузка усилилась еще, придавливая ребра, будто неподъемной стальной плитой, безжалостно перекрывая поступление в легкие кислорода и совершенно не позволяя пошевелиться. «Так и умереть недолго», – подумала Маша, почему-то совершенно не испугалась этой мысли и, наконец, даже с некоторым облегчением потеряла связь с окружающей действительностью и погрузилась во тьму.

Глава 8

Новая Германия

Экскурс в прошлое

«Нибелунг» стартовал с Земли и взял курс на Тау Кита четырнадцатого декабря 1946 года. За полтора месяца до того, как к берегам Антарктиды прибыла знаменитая в своем роде экспедиция американского адмирала Ричарда Берда и высадила на Землю Королевы Мод военно-исследовательский десант. Или исследовательско-военный, как кому больше нравится.

Полтора месяца. Казалось бы, ерунда. Но они решили все. За это время след, что называется, простыл окончательно, и американцы остались с носом. И с кучей всяческих подозрений (вплоть до самых фантастических) о роли и назначении полярной базы нацистов, которую они обнаружили. Подозрений, заметим, обоснованных. Но и только. Гипотезы на хлеб не намажешь. Даже при наличии материальных свидетельств того, что немцы обнаружили в Антарктиде нечто совершенно выходящее за рамки обыденных смыслов, этого мало. Потому что свидетельств этих (несколько мелких предметов непонятного назначения из непонятного материала) – кот наплакал и ничего с них не выжмешь. А немцев нет. Исчезли, растворились, испарились. Несколько трупов, похороненных в ледяных могилах, не в счет. Экспедиция Ричарда Берда, проделав большую работу, вернулась в США, по сути, ни с чем, а тем временем инопланетный межзвездный космический корабль «Нибелунг», на борту которого было ровно девятьсот восемьдесят два человека, удалялся от Земли с ускорением 9,8 метра в секунду за секунду.

Кто были эти люди? В подавляющем большинстве – немцы. Они не только прошли жесткий отбор по основным параметрам (преданность Третьему Рейху, чистота крови, здоровье, умения и способности), но и сами не захотели оставаться на Земле – там, где их Родина потерпела горькое поражение в величайшей войне за всю историю человечества. Но были среди космических путешественников и представители других народов: итальянцы, испанцы, несколько французов и даже трое русских – белоэмигрантов, покинувших Россию после революции. Теперь они покинули и Землю.

«Нибелунг» не был военным кораблем. Иначе он почти наверняка остался бы на Земле. И те, кто принимал решения в его судьбе, попытались бы с помощью инопланетного чудовищного оружия переломить ход войны в тот момент, когда эта уродливая, дряхлая, но по-прежнему жадная на человеческие жертвы старуха готова была вот-вот закончить свои дни там, откуда и вылетела в одна тысяча девятьсот тридцать девятом году молодой, сексуальной и яростно жестокой валькирией – в поверженном Берлине.

Собственно, довольно громко звучали безумные голоса, предлагавшие использовать «Нибелунг» в качестве устрашающего средства (ни один вражеский снаряд не смог бы пробить его удивительную силовую защиту), но благоразумие победило. Или, вернее, наоборот. Победило как раз полное безумие. Потому что как, если не безумием, можно назвать решение отправиться на чужом, очень плохо исследованном космическом корабле, за двенадцать без малого световых лет от Солнца к миру, откуда якобы и прибыл на Землю этот самый корабль?

Однако безумие безумию рознь.

Преступное безумие – посылать миллионы людей на смерть ради доказательства превосходства одной расы над всеми иными.

И благородное безумие – наперекор всему использовать единственный шанс, рискнуть и спасти свои идеалы, себя и своих соратников, когда уже кажется, что спасения нет. Тем паче, если весь остальной мир (с полным на то правом, заметим) считает твои идеалы чудовищными, а тебя самого и твоих соратников убийцами и бандитами, достойными длительных сроков заключения, а то и смерти.

Впрочем, известно, что большинство первых колонистов Северной Америки и Австралии цивилизованный мир Старого Света также считал убийцами и бандитами...

Отчасти из-за выдающихся достоинств корабля «Нибелунг» и гения его создателей, отчасти, вероятно, из-за того, что госпожа Удача вообще имеет склонность благоволить дуракам и безумцам, но предприятие удалось. Запрограммированный на возвращение домой звездолет не сломался, не сбился с пути, не затерялся в бесконечных просторах Галактики. Нет. Перейдя в гиперпространство, он преодолел одиннадцать и восемьдесят восемь сотых световых лет, отделяющих Солнце от системы Тау Кита, и вынырнул в обычное пространство, как и было рассчитано, сразу за границей таукитянской гелиосферы.

Разумеется, говоря об этом удивительном и поистине грандиозном, эпохальном предприятии горстки землян-европейцев из середины двадцатого века, нельзя забывать и о подвиге тех ученых, инженеров и специалистов, которые сумели не только стартовать с Земли, но и довести «Нибелунг» до звездной системы Тау Кита, а затем посадить корабль на Северный континент Новой Германии – единственной в системе планеты с кислородной атмосферой.

Она и стала для девятьсот восьмидесяти человек (двое умерли в пути) новой родиной.

Новой, но не слишком гостеприимной и ласковой.

Начать с того, что вся система Тау Кита была весьма отлична от Солнечной. И не только потому, что Земля – третья планета от солнца, а Новая Германия – вторая. Главное отличие заключалось в том, что вокруг Тау (колонисты почти сразу начали так называть местное солнце, опуская вторую часть, и название быстро прижилось), помимо шести планет, две из которых были газовыми гигантами, подобными Юпитеру, Сатурну, Урану или Нептуну, вращалось аж три мощнейших Пояса астероидов. Не считая, как минимум, еще четырех относительно слабых. При этом два из трех расположились непосредственно перед Новой Германией, ближе к Тау и сразу за планетой. Вследствие чего понятие «метеоритная опасность» здесь было не пустым звуком, как на Земле, а фактом, игнорирование коего вело прямоком к катастрофическим разрушениям и гибели цивилизации.

Что и произошло с аборигенами Новой Германии. Или, как их чаще на древнегреческий манер называли колонисты, автохтонами.

Да, на планете обнаружилась разумная жизнь.

О том, что она есть, колонисты, конечно же, знали. Точнее, догадывались. Странно было бы предполагать, что на планете, с которой на Землю в незапамятные времена прибыл космический корабль, таковой жизни не имеется. Это с одной стороны. А с другой – корабль прибыл на Землю так давно, что за это время с любой разумной жизнью могло случиться все, что угодно. Вплоть до полного ее исчезновения.

Связь? Ее не было. На корабле нашлась аппаратура, которая гипотетически могла служить для сверхдальней связи, но разобраться с ее устройством и принципом действия не смогли.

Наугад – вот лучшее слово. Они отправлялись в космос наугад. Это словно идти с завязанными глазами, не зная, куда ступит твоя нога при следующем шаге – на твердую поверхность или в пропасть. Но повезло. Они искали и обрели планету с азотно-кислородной атмосферой, близкой по составу земной, и населяющими данную планету... людьми. То есть эти разумные существа настолько были на людей похожи, что поначалу их людьми чуть было и не назвали. Потом, однако, пригляделись внимательнее и передумали.

Действительно, разве наличие двух рук, ног, прямохождение, речь и умение пользоваться примитивными орудиями труда делает стаю человекообразных животных людьми? Давайте разберемся в терминах, рассуждали немецкие идеологи. Люди – это, в первую очередь, разумеется, представители цивилизованной высшей расы арийцев. То есть люди живут на Земле. И прилетели сюда тоже люди. А местное население людьми являться никак не может. Ибо они не просто одичали и утратили свою некогда высокую цивилизованность, но и выглядят

соответствующе. Невысокие, смуглые, черноволосые и кареглазые, чем-то неуловимо напоминающие азиатов. Да еще и принимают колонистов за своих великих предков-богов, которые вернулись из заоблачных пределов во всем блеске могущества и славы! Как же таких называть людьми? «Низкие» – вот верный термин. Недочеловеки. Слуги. А то, что сами они себя считают людьми, и планета на их языке (отнюдь не таком примитивном, как могло бы показаться, кстати) имеет весьма символическое название Ария, не имеет особого значения. Мало ли кто себя кем считает! Нам, истинным арийцам, точно известно, кто настоящий первосортный человек, а кто недалеко ушел от обезьяны.

Правда, при всем пренебрежении к местным, земляне не могли не признать, что когда-то предки «низких» далеко превосходили их по развитию. Об этом свидетельствовали остатки высочайшей цивилизации, которые прилетевшие обнаружили на Новой Германии. И не только на Северном континенте, где колонисты обосновались с самого начала, а по всей планете.

При том, что заниматься археологическими исследованиями у новоселов не было ни сил, ни времени. Поначалу. Нужно было выживать. И не просто выживать, а колонизировать Новую Германию, расти и развиваться. Потому что конечную цель – возвращение на Землю – никто не отменял. Но возвращение уже в совсем ином качестве. Не обессиленными, едва живыми беглецами, а хозяевами положения, способными диктовать свою волю миллиардам. Если понадобится, силой оружия. Цель эта, как довольно быстро выяснилось, была достижима.

Не завтра и даже не через пятьдесят лет, но – была.

Основой для ее достижения как раз и служили развалины и уцелевшие остатки высокой цивилизации Арии.

А самыми главными препятствиями – малочисленность колонистов, отсутствие развитой технологичной и промышленной инфраструктуры и постоянные астероидные атаки.

Очень трудно развиваться и размножаться, когда в любую минуту тебе на голову может свалиться камень размером с дом или даже гору и не только вмиг уничтожить все, что ты успел построить и создать, но и убить тебя самого вместе со всеми твоими планами на будущее и всех, кто живет рядом.

К тому же довольно быстро выяснилось, что цивилизация Арии как раз и погибла в результате глобальной катастрофы, вызванной падением на планету сразу двух гигантских астероидов.

Из обрывков сохранившихся, найденных и расшифрованных записей стало ясно, что у высокоразвитых предков «низких» просто не хватило сил, чтобы полностью отвести беду, предотвратить конец света. Их космический флот сделал все, что мог, и ценой потери восьмидесяти процентов кораблей уничтожил три из пяти, летящих точно в Арию астероидов, каждый из которых был величиной с хороший остров. Не считая трех или четырех десятков поменьше.

Теоретически вероятность сценария, когда сразу множество космических тел, идущих довольно плотным облаком, угрожало бы уничтожить жизнь на планете с азотно-кислородной атмосферой, была почти нулевой. Ну, почти нулевой. В том-то и дело. Никогда не говори «никогда» и все прочее в том же роде. Чертово «почти» – вечно от него проблемы. Малые, большие и вселенского масштаба.

Удары двух прорвавшихся сквозь оборону астероидов были настолько беспощадны и сильны, что цивилизация Арии от них уже не оправилась. Чудом стоило назвать даже то, что на планете вообще остался в живых хоть кто-то из населяющих ее разумных существ. Они сумели приспособиться и к холоду, и к голоду, и к тому, что разом лишились всех технических достижений своей цивилизации. Они даже дали потомство и научили его выживать в этих поистине невыносимых условиях. Не сумели они только одного: возродить города, науку, технику и культуру – все то, что делает цивилизацию цивилизацией. Одичание и неукротимый регресс. А затем долгое-долгое-долгое прозябание на уровне позднего земного неолита и со всеми, характерными для позднего неолита признаками. Общинно-родовой строй, охота, рыболов-

ство и собирательство с редкими случаями примитивного земледелия. Дерево, камень, глина, зачатки металлургии. Живопись на стенах пещер и отсутствие письменности. Соответствующая религия с сильнейшим культом предков, которые некогда были равны богам. Потом боги, чтобы не допустить конкуренции, устроили предкам вселенскую бойню. В которой погибли почти все (снова «почти»!) – и предки, и боги.

Но часть предков спаслась и обязательно скоро вернется, чтобы снова обрести силу на родной земле, окончательно победить старых злых и мстительных богов и зажить в мире и согласии с новыми – мудрыми, любящими и всепрощающими.

И тут на Арию прилетают девятьсот восемьдесят немецких колонистов на корабле, изображение которого аборигены отлично помнят с самого детства. Понятно, что земляне немедленно были отнесены к этим самым предкам и вознесены на соответствующие общественно-социальные высоты. С безоговорочным поклонением, подчинением и почитанием. Земляне, собственно, не возражали. Это было удобно и снимало массу возможных проблем.

Однако при всех преференциях, которые девятьсот восемьдесят человек получили от местного населения на Новой Германии, у них самым естественным образом возникли и серьезнейшие обязанности. Не только по отношению к самим себе, но и к упомянутым автохтонам.

Ты ответственен за тех, кого приручил, даже если не читал «Маленького принца» Антуана де Сент-Экзюпери.

Так и вышло, что первым и важнейшим делом для землян стала борьба с астероидной опасностью. Здесь, на Новой Германии, она угрожала всегда и всем.

А как бороться с любой опасностью? Есть лишь два пути. Избегать и встречать во всеоружии.

Поначалу пришлось избегать. И здесь колонистам крупно повезло второй раз (первый – это когда они вообще добрались до Тау Кита и сумели сесть на вторую от Солнца планету). Разведывательная экспедиция обнаружила на Северном континенте крупную, хорошо защищенную от астероидных атак и законсервированную базу аж с тремя сразу космическими кораблями. Корабли отлично сохранились, и были они, в отличие от «Нибелунга», не исследовательско-грузо-пассажирскими, а самыми настоящими боевыми, предназначенными для отражения астероидных атак. К кораблям прилагалось и все необходимое для их полноценной эксплуатации и ремонта.

Найденную базу называли «Мерзебург» (в честь одноименного и знаменитого бомбардировочного полка, ветераны которого были среди колонистов), перебросили туда «Нибелунг» и там же основали столицу Новой Германии, которой не особо мудрствуя дали имя Новый Майнц. В честь немецкого города, выросшего некогда из крупного римского военного лагеря и ставшего затем одним из важнейших центров сначала римской, а затем и германской государственности.

Дальше – больше. Оказалось, что от угасшей цивилизации Арии не так уж мало и осталось. Если хорошо поискать. А искать немцы были большие мастера. Тщательно и методично.

Все найденное, что можно было быстро изучить и немедленно использовать, свозили на базу «Мерзебург» и в Новый Майнц.

Постепенно жизнь налаживалась. Женщины рожали детей (еще двести – сто пятьдесят лет назад иметь меньше пятерых считалось чуть ли не предательством идеалов Третьего Рейха), воспитывали их, лечили и учили. Мужчины помогали им в этом, много и тяжело работали, добывая пропитание для семей, энергию и материалы для машин, осваивая новые знания и технологии.

Через пятнадцать лет была частично воссоздана, а частично и создана заново система наблюдения за космосом, позволяющая, как минимум, за сутки и с 80 % вероятностью вычис-

лить падение крупного астероида (одного или нескольких) в районе базы «Мерзбург» и Нового Майнца.

Также примерно в это время все три найденных корабля были полностью освоены и встали на боевое дежурство по предотвращению астероидных атак.

В течение следующих двадцати пяти лет были обнаружены еще четыре хорошо законсервированные крупные подземные базы-хранилища. Судя по всему, они специально создавались на случай всеобщей катастрофы. И рассчитаны были как раз на то, чтобы люди смогли восстановить с их помощью цивилизацию. Они и восстановили. Только были это уже совсем другие люди – те, кто прилетел с Земли.

Примерно через сто лет стало понятно, что прогресс назад не повернуть. Ценой невероятных усилий энергичным и несгибаемым наследникам Великой Германии удалось не только закрепиться и выжить на чужой планете, но и сделать ее своей новой родиной, овладеть древними знаниями и технологиями и даже заставить жить по-новому прежних хозяев Арии – «низких». Далеко не всех, поскольку даже один – Северный – континент не был еще освоен, но многих. И эти многие уже не хотели возвращаться к прежней жизни и несли возрожденную культуру дальше.

Алфавит немцы дали местным племенам свой, и все, кто хотел работать на высшую расу новых хозяев, обязаны были выучить немецкий язык. И недостатка в рабочей силе и слугах Гансы, Лотары, Марты и Эльзы не испытывали. Поскольку уж больно велика и всем заметна была разница в качестве жизни тех «низких», кто работал на могущественных высоких белокожих и светлоглазых предков-богов, вернувшихся с неба, и тех, кто по разным причинам делать этого не хотел.

Правда, не обошлось и без активного недовольства. Собственно, недовольство началось сразу, как только стало понятно, что великие предки так же смертны, как сами «низкие», можно их убить и тяжелым камнем, и острым железом, и даже голыми руками.

Доходило до настоящих восстаний и войн.

Но уж в чем-чем, а в подавлении всяческих бунтов немцам равных не было.

Восстания топили в крови, зачинщиков и лидеров частью казнили, а частью покупали, и довольно скоро, по историческим меркам, новый немецкий порядок обрел необходимую твердость и долговечность.

Теперь пора было подумать и о том, как вернуться на Землю. Тем более что к этому колонистов подталкивала не только Великая Идея, но и жесткая необходимость. Ибо по расчетам ученых, еще через сотню с лишним лет (земных, на Новой Германии теперь пользовались двумя календарями – местным и земным) ожидалась следующая катастрофа. Очередное, обнаруженное на задворках системы облако астероидов имело все шансы прорваться сквозь естественную защиту в виде газовых планет-гигантов, которые, подобно земному Юпитеру, принимали на себя большую часть метеоритных ударов, и устремиться к Новой Германии. Случись это, и не помогут никакие боевые корабли. Как не помогли они высокоразвитой цивилизации Арии.

Глава 9

Система Tau Keta

Борт линкора «Эрих Хартманн»

Пилот «космического охотника» RH-7 обер-фельдфебель Эрика Ланге и другие

Боевой космический флот Новой Германии состоял из двенадцати кораблей, большая часть которых была сработана еще предками «низких» – Неведомыми. В свое время корабли были найдены на их тайных базах специальными поисковыми группами, затем расконсервированы, восстановлены и поставлены на службу колонистам.

Таких кораблей было ровно десять.

Еще два собрали сами потомки землян на космоверфи базы «Мерзебург». С истинно немецкими аккуратностью, скрупулезностью и качеством. Да, в основном из уже готовых блоков и деталей, обнаруженных там же, на складах базы, но тем не менее. С учетом всех условий и трудностей, которые пришлось преодолеть руководителям проекта, инженерам и рабочим, это был настоящий подвиг. Сродни чуду. Этот трудовой подвиг не только арифметически добавил еще два боевых корабля к имеющимся восьми («Нибелунг», на котором прибыли колонисты, в счет не шел, это было исследовательское и грузопассажирское судно), но и позволил овладеть такими технологиями и получить такие знания, которые раньше могли иметь место разве что в безудержных мечтах или на страницах фантастических романов.

Одни материалы, из которых были изготовлены корабли, чего стоили! «Живые» металлы – так прозвали их ошеломленные открытием немецкие инженеры за особую способность регенерировать, самовозрождаться, подобно живой ткани, и таким образом противостоять коррозии сотни тысяч и даже миллионы лет.

Линкор «Эрих Хартманн», на котором служила пилот «космического охотника» RH-7 Эрика Ланге, как раз и был одним из двух кораблей, собранных людьми. И Эрика испытывала законную гордость от того, что самое непосредственное участие в создании линкора принимал ее прадед, инженер Дитер Ланге. А еще ей нравилось, что они с легендарным асом Большой войны (так называли колонисты Вторую мировую), в честь которого был назван линкор, можно сказать, тезки. При всем при этом обер-фельдфебель Эрика Ланге была на хорошем счету у начальства и пользовалась искренним уважением сослуживцев.

Несмотря на то, что положение женщины за двести лет существования Новой Германии довольно сильно изменилось, таким, как Эрика, смеющим мечтать и добиваться чего-то еще, кроме хорошего мужа, благополучия семьи и многочисленных детей, было по-прежнему вдвойне трудно. В сравнении с мужчинами их возраста и амбиций, понятно. Труднее, пожалуй, приходилось лишь представителям «низких». У этих и вовсе шансы на занятие достойного места в иерархии общества Новой Германии были крайне малы. Но были. И тут, кстати, ситуация возникала зеркальная: женщины «низких» быстрее и легче вписывались в новогерманскую цивилизацию. В первую очередь, понятно, через сексуальные отношения. С первых лет колонизации Новой Германии стало ясно, что без свежей крови не обойтись, если рассчитывать на возрождение Третьего Рейха здесь, вдали от дома, у чужого солнца.

Девятьсот восемьдесят человек ступило на землю Арии, и незамужних женщин, способных к деторождению, было среди них откровенно мало. То есть гораздо меньше, чем нуждающихся в женах молодых мужчин. Положение спасли «низкие». При этом никого даже не пришлось принуждать к сожительству силой. Сами пришли и сами себя предложили. И в качестве слуг, и в качестве наложниц. Ибо, как было уже сказано, служить вернувшимся с небес богам-предкам и – тем более! – спать с ними и рожать от них детей считалось великой удачей и честью.

Разумеется, то, что женщины «низких» оказались способны рожать детей от землян, а земные женщины-немки, соответственно, могли забеременеть и родить от местных мужчин

(второе, кстати, выяснилось гораздо быстрее, чем первое), подтолкнуло немецких ученых к серьезным исследованиям. Ибо даже мелкому и не слишком хорошо образованному партийному функционеру, от тульи фуражки до подошв сапог заполненному догмами расовой теории, уже было ясно: гипотеза о том, что Неведомые являются одновременно предками землян и «низких», имеет под собой серьезные основания. И было бы неплохо данные основания разъяснить. В первую очередь ответив на вопрос, откуда родом сами Неведомые?

К сожалению, точной проверенной информации об этом отыскать не удалось, и гипотеза так и осталась гипотезой. Хотя и весьма правдоподобной. Одно было несомненно: сюда, на Арию, Неведомые пришли точно так же, как сами немцы – извне, на космических кораблях (на чем же еще!). И очень может быть, что тоже с Земли. Какой бы безумной ни казалась эта идея.

Дело еще упиралось в элементарную нехватку людей. И не только в поисковых группах, рыщущих по всей Новой Германии с переменным успехом, но и людей, готовых и страстно желающих заниматься подобными исследованиями. Первую сотню лет вообще было не до этого. Выжить бы и худо-бедно овладеть технологиями Неведомых, сохранив при этом свою культуру, дабы не одичать и не скатиться в каменный век, подобно «низким». Выжили, не одичали. Но срочных, требующих немедленного реагирования вызовов меньше не стало. Как не стало больше свободных ресурсов и мощностей, которые можно было бы выделить на решение подобных исследовательских задач. К тому же любому колонисту от мала до велика было совершенно точно известно, что недалек тот замечательный день, когда боевой флот Новой Германии отправится на родину, к Земле. Там, в короткой и беспощадной битве, он сначала уничтожит всех врагов Третьего Рейха, а затем приведет народы мира под свое знамя. И вот тогда уже можно будет спокойно заняться всеми вопросами, до которых сейчас не доходят руки. Включая вопрос происхождения Неведомых.

– Пилотам «космических охотников» подготовиться к отражению астероидной атаки третьей степени опасности! – прозвучал в гермошлеме бесстрастный голос диспетчера. – Расчетное время старта две минуты.

Эрика не впервые сражалась с бездушными метеоритными глыбами, несущими Новой Германии смерть и разрушения, и поэтому особого волнения не испытывала. Разве что чуть сильнее забило сердце, участилось дыхание, и предметы вокруг – от близких до самых далеких – приобрели необыкновенную четкость. Это ее зрение так реагировало на впрыск адреналина в кровь, и теперь без всякой оптики она могла сосчитать количество ребер в вентиляционной решетке, расположенной под потолком в дальнем конце летной палубы.

Девять. Девять тонких поперечных ребер.

Полсекунды – и перед глазами скользнуло слева направо прозрачное, гибкое и прочное, как титановая плита, забрало гермошлема – будто едва заметная рябь пробежала по чистой воде горного озера.

Опустились сверху и автоматически соединились с гермошлемом нейросенсоры, похожие на пучок щупалец неизвестного науке животного.

Теперь она могла ощущать «космический охотник», как продолжение собственного тела, и, соответственно, управлять им мысленно. Вернее, помогать управлению, потому что большую часть основных действий все же приходилось осуществлять руками – это было не столь быстро, как отдавать мысленные команды, но гораздо надежнее. Эрика хорошо помнила, сколько времени, сил и невидимых миру слез (курсанты не плачут!) ушло у нее на то, чтобы овладеть хитрейшей наукой управления «космическим охотником». Самое трудное заключалось в том, чтобы научиться разделять и координировать приказы мозга, отданные рукам и другим частям тела, и нейросигналы, с помощью которых пилот мысленно связывался с машиной через сверхскоростной электронный вычислитель.

Поначалу казалось, что это невозможно. Или – или. Мозг категорически отказывался одновременно действовать через руки и нейросенсоры. Возникало ощущение раздвоения

сознания, и преодолеть его, добиться истинного слияния с машиной получалось далеко не у всех. Те, кто не справлялся, покидали летное училище. Некоторые уже с видимыми миру следами на глазах – это чертовски больно, когда безвозвратно рушится мечта.

В полущаге от этого была и Эрика. Но – справилась. В какой-то момент словно переключился в голове невидимый рычажок, соединил то, что казалось несоединимым, и сразу все стало легко и понятно. Настолько, что оставалось лишь удивляться, как это раньше она не могла постичь столь элементарные вещи.

Именно с этого момента у нее впервые зародилось, а затем разрослось и окончательно укрепилось убеждение, что женщины лучше мужчин водят космические корабли вообще и «космические охотники» в частности. Затем ей объяснили, что ее догадка, основанная на личном опыте, давно подтверждена официальными исследованиями.

Да, женщинам было гораздо сложнее преодолеть первоначальную раздвоенность сознания. Но, если уж получалось, нейросенсорная составляющая управления давалась им легко и непринужденно и занимала в среднем чуть ли не половину от всего процесса, а у отдельных, наиболее одаренных особей далеко переваливала за половину. В отличие от мужчин, которые больше полагались на глаза и руки, используя нейросенсорику от силы на тридцать – тридцать пять процентов, а в среднем и вовсе на четверть.

Однако большими и малыми космическими кораблями по-прежнему чаще всего управляли мужчины. Ибо очень немногие представительницы слабого пола вообще хотели быть космopilотами, а из тех, кто хотел, мало кто мог. И не только из-за пресловутого раздвоения сознания, имелись и другие причины. В основном, конечно, социопсихологического характера. Общество, в котором росла Эрика Ланге, нуждалось в мужском доминировании не меньше, чем девятьсот восемьдесят два человека, обожженных огнем Большой войны и покинувших Землю два столетия назад.

Потому, что Третий Рейх продолжал свое существование на Новой Германии вместе со всеми многовековыми традициями, включая знаменитые «киндер, кюхе, кирхе» (дети, кухня, церковь) – ценности, которым обязана быть привержена всякая истинная немка.

Но также и просто из-за необходимости выжить. В условиях, когда социуму постоянно угрожает та или иная смертельная опасность, будь это войны или природные катаклизмы, мужчина берет на себя ведущую роль защитника, ибо предназначен для этого самой природой. А таковая опасность висела над Новой Германией постоянно. Соответственно, и гибли мужчины в первую очередь. Восполнить же их нехватку могли только женщины. Родив новых. Именно поэтому учрежденная еще на Земле Адольфом Гитлером в далеком 1938 году награда «Почетный крест немецкой матери» трех степеней по-прежнему торжественно вручалась тем немкам, кто произвел на свет для вящей славы и будущих великих побед Третьего Рейха четверых детей и больше.

Что ж, возможно, и она, Эрика Ланге, когда-нибудь получит эту награду. Возможно. А пока будем довольствоваться обычным «Знаком пилота», серебряным «Знаком участника отражения астероидных атак» (в просторечии «Смерть небесным каменюкам» трех степеней: бронзовый – две атаки; серебряный – пять атак; золотой – десять и более атак), а также различными поощрениями по службе, включающими денежные премии и благодарности в личном деле.

Она закрыла глаза, сосредоточилась, проверяя отзывчивость нейросенсорики. Отлично. – Внимание пилотам! Готовность – тридцать секунд! – прозвучало в гермошлеме.

Пальцы левой руки легко и привычно пробежались по не активированной пока клавиатуре управления огнем, нащупывая знакомые клавиши аннигилятора и двух квантовых пушек разной мощности.

Пальцы правой обхватили, словно выросшую из пола, рукоятку управления «охотником». Едва слышно и певуче засвистел выходящий на рабочий режим двигатель.

– Обратный отсчет! Десять, девять, восемь...

Погасло основное освещение на палубе, остались лишь горящие вполнакала алые стояночные огни. Дрогнула и, помедлив, разошлась в стороны диафрагма стартового створа, и свет сотен и тысяч звезд, проникнув в кабину, перемешался со светом индикаторов и приборов.

– ...три, два, один! – честно досчитал диспетчер и традиционно добавил: – Удачной охоты, мальчики и девочки. Возвращайтесь живыми!

«Впрыск! – послала Эрика мысленную команду. – Пять процентов мощности на сопла. Антиграв – в автоматический режим».

«Космический охотник», напоминающий со стороны древнюю тазообразную железную шляпу ландскнехта с широкими полями, приподнялся, оттолкнувшись от палубы антигравитационным полем, и, подстегиваемый плазменным огнем дюз, рванул вперед – вон из тесного чрева линкора. Вольная, зовущая, разноцветная звездная россыпь ринулась навстречу, и через мгновение душу Эрики охватил уже не раз испытанный, но всякий раз желанный и ожидаемый восторг человека, оказавшегося один на один с бесконечно могучей, жуткой, но притягательной стихией, имя которой – открытый космос. Говорят, этот восторг отчасти сродни любовному экстазу и тем сильнее, чем лучше пилот умел слиться с машиной. В основном при помощи нейросенсорики, разумеется, – обычная связь через обзорный экран и рукоять управления не давала подобного эффекта, или он был малозаметен.

Эйфория космopilота – так называли это состояние психологи. Сами же космopilоты предпочитали жаргонное выражение «поймать фею» или «поймать феечку», что, в общем-то, вполне соответствовало истине.

Насчет любовного экстаза Эрика ничего не могла сказать в силу того, что ни разу его не переживала. Но «ловить феечку» любила. Да и кто из пилотов не любил? Не было таких. Ну, или почти не было, учитывая бесконечное разнообразие человеческого восприятия. Самое же главное заключалось в том, что «поймавший феечку» пилот работал ничуть не хуже своего коллеги, лишённого данного удовольствия. А иногда и лучше. Правда, были у этого явления и отрицательные стороны, как, впрочем, и у любого явления. Статистика показывала, что около двух процентов тех, кто сидел за управлением в космических кораблях и воспринимал пространство за пределами атмосферы не только глазами, но и через многочисленные сенсоры, соединенные с бортовой вычислительной машиной (таким образом частично сливаясь с последней), впадали в самую настоящую наркотическую зависимость от «ловли феечки» и рвались в космос любыми путями. Вплоть до прямого угона «космических охотников» и даже (два случая за всю историю) целых линкоров. Таких ловили, возвращали и лечили, но до конца жизни сесть в пилотское кресло они могли в лучшем случае только на тренажерах.

В дневнике своего предка, пилота люфтваффе лейтенанта Гюнтера фон Ланге, Эрика вычитала, что нечто подобное испытывали иногда и летчики древних самолетов, держащихся в воздухе посредством подъемной силы крыла и влекомых вперед при помощи винта и двигателя внутреннего сгорания. Но именно «нечто подобное». Судя по дневниковым записям предка и собственным ощущениям, «ловля феечки» по силе воздействия и яркости ощущений была во сто крат круче. Хотя иногда Эрика задумывалась, какие чувства она могла бы испытать, доведись ей поднять в небо пра-пра-пра-прадедовский «Мессершмитт». А если еще и поучаствовать в настоящем воздушном бою с настоящими живыми врагами, обладающими той же волей и разумом, что у нее! Как бы ни была опасна и важна работа, которую она выполняла, с войной ей не сравниться – в этом Эрика была убеждена на сто процентов. Сердце девушки жаждало великих побед, и утолить эту жажду не смог бы и золотой знак «Смерть небесным каменюкам». До которого, между прочим, обер-фельдфебелю оставалось каких-то три атаки. Включая эту.

Внутренним зрением она видела картину, которую бортовой вычислитель транслировал ей прямо в мозг – рой астероидных обломков разной величины, устремленный к Новой Германии. Не самый большой из тех, с которыми ей приходилось иметь дело. Но не менее опасный.

Во-первых, из-за высокой скорости сближения с планетарной орбитой. И, во-вторых, из-за наличия в рое нескольких особо крупных «каменюк», диаметром до ста – ста пятидесяти метров, способных в случае прорыва к планете нанести весьма ощутимый урон. Вплоть до катастрофического. Особенно если они упадут на сушу вблизи или, что еще страшнее, непосредственно на места обитания настоящих людей и «низких». Прямое попадание такой небесной «бомбы» не выдержит ни одна подземная база, даже построенная Неведомыми. Ну, возможно, за редчайшими исключениями – теми, что выплавлены на глубине ниже четверти километра в коренном скальном грунте. Конечно, вероятность столь плачевного сценария с учетом площади океанов и плотности заселения суши весьма и весьма мала, но она есть. А значит, исключать ее нельзя.

На картинку астероидного роя, смоделированную вычислителем и посланную в мозг пилота, накладывалась картина, которая передавалась внешними камерами слежения на обзорный стереоэкран. И сюда же добавлялся вид, который Эрика наблюдала непосредственно через два ромбовидных иллюминатора, расположенных прямо над стереоэкраном.

Больше всего информации, необходимой для выполнения боевой задачи, несла первая картинка.

Зато вторая была очень красивая.

А третья – самая «настоящая» из всех. Чистая оптика, никакой электроники.

У опытного космopilота, каким была Эрика Ланге, все три картинки спокойно уживались между собой, но сейчас она сосредоточилась на первой. Полюбоваться видами можно и потом, когда астероидная угроза будет отведена от Новой Германии.

Глава 10

Система Tau Keta

Борт линкора «Эрих Хартманн»

Пилот «космического охотника» RH-7 обер-фельдфебель Эрика Ланге и другие

– Внимание, эскадрилья, это «Оса-один»! – раздался голос командира эскадрильи Ганса Шефера.

– «Оса-два» на связи!

– «Оса-три» на связи!

– «Оса-четыре» весь внимание!

– «Оса-пять» – ушки на макушке! – пропела, ухмыльнувшись Эрика. Она обоснованно считала, что, как и Оса-четыре, уже имеет право отвечать не по уставу.

– Наша цель – центр этой гребаной тучи камней. Этот участок через нейросенсорику вы видите оранжевым. Следите за маркировкой, в чужие зоны не суйтесь, работы всем хватит. Тем более не лезьте вперед. Еще не хватало кому-то попасть под свои же пушки. Что бывало, увы. Оса-пять – тебе, как самой ушастой, приказываю разобраться с объектом В-12. Видишь его?

– Вижу, – сказала она. – Восемьдесят пять метров на шестьдесят четыре. Спасибо, командир. Не пожалел самую громоздкую каменюку для хрупкой девушки. Это ж пупок надорвать можно.

– Не обольщайся. Самую громоздкую я оставил себе. У тебя всего лишь вторая по величине в нашей зоне. И вообще, я не понял. Тебе не нравится, что ли? Так ты скажи, облегчи душу.

– Командир, у тебя что, настроение хреновое, юмор на нуле?

– А, так это была шутка, – откликнулся Ганс. – Ну извини. Ха-ха.

«Точно, хреновое, – подумала Эрика. – Небось Грета, оператор из штаба, вчера не дала. И позавчера заодно. Или неожиданный пистон от начальства получил». А вслух сказала:

– Забудь, командир. Все сделаем в лучшем виде.

Однако в лучшем виде не получилось.

Сначала ошибся в оценке массы объекта В-12 бортовой вычислитель.

Такое случается. В первую очередь потому, что масса астероида, так же как любого иного тела, вычисляется по объему и плотности, а с точным определением последней всегда проблемы. Нужно знать состав каменюки, а он может быть весьма и весьма разным. Вот и берется средняя плотность. Чаше всего этого достаточно. Но иногда – нет. Сейчас оказалось недостаточно.

Заряд аннигилятора уничтожил В-12 лишь на шестьдесят семь и четыре десятых процента, и оставшийся раскаленный и оплывший, словно кусок масла на сковородке, обломок пришлось добивать из квантовых пушек. При этом ровно через четыре секунды после открытия огня мощность основной пушки из-за внезапно возникших неполадок упала на треть.

В результате уничтожить обломок ей удалось, но времени на это ушло гораздо больше, чем было рассчитано изначально, и дистанция, отделяющая ее «охотник» от роя астероидов, из относительно безопасной стала критической.

Теперь все зависело от того, сумеет ли Эрика восстановить мощность основной квантовой пушки подручными средствами и как сработают товарищи по эскадрилье. А также от самого обычного везения.

Потому что «космический охотник», вставший на боевой курс, может с него сойти, но в абсолютном большинстве случаев лишь теоретически. Ты должен распылить на молекулы камни, угрожающие труду, спокойствию и самой жизни тех, кто остался внизу. Иначе зачем ты нужен? Нет уж. Ввязался в драку – дерись до конца. А неполадки двигателя, силовой

защиты или оружия, буде они возникнут, устраняй на ходу. Благо большинство жизненно важных систем и конструктивных узлов «космического охотника» имеют трех-пятикратный запас прочности и способны к самовосстановлению. До определенной степени, разумеется.

Иначе тебя сочтут трусом, и тогда... нет, уж лучше гибель.

Мощность пушки Эрика восстановить успела (возникли проблемы с одним из усилителей-резонаторов, и его пришлось быстренько заменить). Товарищи по эскадрилье сработали также вполне профессионально, временно взяв на себя ту часть работы, которая предназначалась Эрике. А вот с везением не срослось. Его и нужно-то было совсем мало – всего лишь чуть-чуть иное распределение плотности атаки в определенное время на участке ее ответственности. Один камушек, весом в сотню тонн, на тридцать метров левее, а второй, шестидесятитонный, на столько же правее. И все было бы замечательно. Да, и вон тот «заряд дробы» (два с половиной десятка метеоров от полуметра до трех в диаметре, идущие плотной кучей) хорошо бы повстречался попозже. Секунд на десять. Лучше – пятнадцать.

И все равно она бы справилась. Скорее всего. Но в самый пиковый момент, когда в резерве не оставалось ни единого киловатта мощности квантовых пушек и ни сотни кубических метров пространства для маневра, внутренним взором провидицы, помноженным на расчет бортового вычислителя, она увидела, что через пять секунд астероид, удивительно и бесстыдно напоминающий формой мужской половой орган в эрегированном состоянии и размером превосходящий «космический охотник» раза в полтора, сомнет машину командира эскадрильи Ганса Шефера, словно пустой картонный стакан, поскольку скорость этого «чуда природы», оторванного у неведомого великана, столь велика, что энергию удара не погасит никакое силовое поле.

Выход был один. Шарахнуть по смертоносному «члену» из квантовой пушки. Той самой, чью мощность она только что восстановила. Но тогда она гарантированно не успевала расправиться оставшейся второй пушкой с двумя «своими» обломками, поскольку аннигилятор был занят нейтрализацией «заряда дробы».

Полуторасекундный расчет показал, что с вероятностью в пятьдесят восемь процентов она распрощается с жизнью – времени для того, чтобы расправиться с самым большим, сто-тонным камушком, не хватит. Однако в любом ином случае Ганс Шефер гибнет с вероятностью в сто процентов.

– Не смей! – проревел в гермошлеме голос командира, догадавшегося, что у нее на уме.

Эрика решила, что сорок два процента – это охрнительно хорошие шансы и молча, четким отточенным мысленным усилием перенесла огонь квантовой пушки с одного астероида на другой.

Она еще успела испытать смешанное чувство удовлетворения и жалости от превращения этого, по-своему замечательного произведения природы, в жалкий бесформенный и уже совсем не опасный силикатный огрызок, когда многотонная машина того самого опасного астероида, на который уже не хватило ни времени, ни мощности аннигилятора и второй квантовой пушки, врезалась в силовое поле «космического охотника», продавила его, словно железная гиря, упавшая на матрас, и острым углом обрушилась на корпус.

Визг и скрежет сминаемого «живого металла» смешался с дружным яростным воплем ее товарищей, наблюдающих эту картину, достойную кисти художника-баталиста, со стороны. А затем неожиданно и резко пришла боль, когда сработало автоматическое катапультирование, и ее, упакованное в летный скафандр-флюканзуг тело, уже в открытом космосе, прошил насквозь в районе левой ключицы камушек-метеор, величиной с хорошую пулю легендарного МГ-42.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.